

КАПРИЗЫ ИЗМЕНЧИВОЙ СУДЬБЫ

ОЛЕГ РОЙ

Маленькие люди

Капризы и странности судьбы. Романы О. Роя

Олег Рой

Маленькие люди

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Рой О. Ю.

Маленькие люди / О. Ю. Рой — «Эксмо», 2018 — (Капризы и странности судьбы. Романы О. Роя)

ISBN 978-5-04-184755-5

Олег Рой — культовый современный писатель, продюсер и сценарист. Его книги читают по всему миру. Секрет успеха автора — в динамичных сюжетах, полных неожиданных поворотов, в глубоком психологизме и внимании к человеческой личности. Профессор Фокс Райан, лауреат Нобелевской премии, обладал совершенно обычным среднестатистическим ростом. Однако в результате научного эксперимента произошло невероятное — ученый стал лилипутом. Вскоре жизненный путь привел его в Хоулленд — государство маленьких людей, лепреконов. Здесь Факс Райн убедился, что в мире маленьких людей бывают большие страсти и огромная, всепоглощающая любовь.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-184755-5

© Рой О. Ю., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Часть I. Тайна лепреконов	6
Глава 1. Человек эпохи Возрождения	6
Глава 2. Маленькая страна	20
Глава 3. Гражданин Хоулленда	28
Глава 4. Show must go on	44
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Олег Рой

Маленькие люди

© Резепкин О., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Памяти моего сына Женечки посвящается

Эту книгу я написал три года назад и отложил в стол, потому что не был уверен в ее актуальности. Время от времени у меня появлялось желание ее опубликовать, но что-то удерживало. И сейчас я почувствовал, что время пришло.

То, что три года назад казалось мне фантастикой, в наши дни всерьез обсуждается в научных кругах, и, может быть, мы когда-нибудь увидим мир «маленьких людей». Но это даже не главное, а главное то, что у маленьких людей проблемы в точности такие же, как у больших. Это наши с вами проблемы и радости, ведь все мы люди и, как говорит главный герой книги, «в анатомическом плане человечество не делится на какие-то группы: хоть три фута ты ростом, хоть семь, хоть черный, хоть белый, ты можешь быть гением или бездарем, лентяем или трудоголиком, альтруистом или эгоистом». Мы все одинаковые, но каждый из нас не похож на другого. И это прекрасно.

Часть I. Тайна лепреконов

Глава 1. Человек эпохи Возрождения

Доброе утро, последний герой!..

Старый «Астон-Мартин» радикально черного цвета среди «Вольво», «Мерседесов» и маленьких новомодных электрокаров на стоянке такси у аэропорта привлекал внимание, как гроб на детской площадке. К нему-то я и направился.

Похожий на Бобби Сэндса, ирландского революционера, умершего от голодовки, рыжеватый таксист дремал за рулем, держа в руках свежий номер «Ириш таймс». За задним стеклом виднелось еще несколько газет, вероятно, уже прочитанных. Я подумал: интересно, а написано ли в этой газете про меня? С некоторых пор я стал персонажем газетной хроники. Если написано, то таксист меня может и узнать, со всеми вытекающими отсюда разговорами и всем прочим...

Но до вокзала все равно надо было как-то добираться. Можно, конечно, арендовать машину, но я решил повременить с подобными расходами. Поэтому решительно подергал ручку двери и привстал на цыпочки – чтобы быть заметнее. Когда твой рост едва превышает четыре фута, из машины тебя могут и не разглядеть.

Таксист моментально очнулся, уставился на меня ясно-голубыми глазами и недоуменно спросил:

– Сэр? Чем могу служить?

Похоже, он меня не узнал. Вот и славно.

– Тем же, чем и всем остальным, – улыбнулся я, открывая дверь. – Мне нужно добраться до железнодорожного вокзала.

– А деньги у вас такие же маленькие? – спросил он, когда увидел меня во весь рост, с ног до головы. Я сначала несколько растерялся. Все-таки я еще не привык к своему новому состоянию. Причем шутят по этому поводу впервые: обычно толерантно помалкивают и фальшиво отводят глаза. Стараются не смотреть. А ведь все равно смотрят – поверх смартфонов, прикрываясь планшетами, книгами, а дети, так те просто пялятся во все глаза, потому что еще не знают, что такое толерантность и с чем ее едят.

– Деньги – одна из тех вещей, которые у меня нормального размера, – ответил я без тени улыбки. Но если я правильно оценил этого парня...

– А что еще? – разумеется, тут же спросил он. Я ему ответил. Это была, пожалуй, довольно пошлая и грубоватая шутка, но мой рыжеватый водитель тотчас же разразился честным ирландским хохотом.

– Свой человек, – сказал он, утерев рукавом глаза. – Добро пожаловать в старую добрую Ирландию.

Я расположился на переднем сиденье, и машина двинулась с места.

– Небось в Хоулленд едете? – спросил он, лихо выезжая со стоянки. Я с удивлением уставился на него – откуда он узнал о моих намереньях? Но согласно кивнул:

– А как вы догадались?

– Что я, лепреконов, что ли, не видел? – ответил он загадочно. И тут же поинтересовался: – А откуда прибыли, если не секрет?

– Из Лондона, будь он неладен, – ответил я, заработав еще один одобрительный взгляд. – Фокс Райан, к вашим услугам.

Он глянул на меня с неожиданным удивлением и сказал после паузы:

– То-то я и гляжу, что вы недостаточно рыжий для лепрекона. Решили посетить достопримечательность, хм... подходящую по размерам?

Я не понял ровным счетом ничего, кроме того, что беззлобное подтрунивание шофера нравится мне куда больше, чем холодная толерантность и деланое безразличие всех остальных. Я более чем уверен, что идея толерантности появилась у людей вполне полноценных как некая благородная форма этакого снисхождения к «неполноценным». Вот только когда ты ростом четыре фута без нескольких дюймов, ты хорошо видишь всю лицемерность подобной толерантности.

Она словно исключает тебя из круга нормальных людей, превращая в существо, «требующее особого отношения», а значит, априори неполноценное. Да, на словах она призвана разрушить стену между людьми обычными и «не такими», но на деле она делает эту стену еще прочнее. Потому что приучает «нормальных» лицемерить, вызывая этим скрытое отторжение. И даже насмешки не так разделяют людей, как вынужденное лицемерие с обеих сторон. Когда над тобой подшучивают, как этот ирландский весельчак, даже когда откровенно насмеваются, это дает тебе шанс быть со всеми на равных. Когда лицемерят, делают вид, что все в порядке, и при этом старательно отводят глаза – никакого шанса на равенство нет и быть не может.

– Просто наобум ткнул в точку на карте, – сказал я, доставая сигареты. – У вас в машине можно курить?

Он кивнул и нажал на прикуриватель.

– Вот так, просто ткнули и попали прямо в царство лепреконов... Есть на свете все-таки чудеса.

Я был совершенно не прочь узнать подробности о том месте, куда сейчас направлялся, а словоохотливость таксистов общеизвестна. Я закурил и доверительно сказал:

– Ну, скажем, почти так. А точнее, меня, по правде говоря, заинтриговало то, что Хоулленд – независимое государство, о существовании которого не знает даже Википедия. Собственно, вот и все. Ну, и еще, что его жителей называют лепреконами, словно они и впрямь древние волшебники маленького роста.

– Да, они такие... А в Британнике про Хоулленд тоже ничего не написано, – согласно кивнул таксист. – Ну, с Британникой-то все понятно, не любят нас островитяне, и это, к счастью, взаимно. А вот почему в Вики ничего нет, не знаю. Даже странно.

Он притормозил у очередного светофора, остро глянул на меня и сказал:

– Так вы действительно совсем-совсем ничего не знаете про наших лепреконов?

Я отрицательно качнул головой.

– Тогда слушайте внимательно, эта история, клянусь святым Патриком, достойна того.

История действительно оказалась крайне занимательной. В апреле тысяча девятьсот семнадцатого года на крохотный полуостров Эль-Сид, выдающийся в Ирландское море к востоку от Дандолка, прибыл цирк «Лепреконт». Это был бродячий цирк-шапито, чья труппа полностью состояла из карликов. Представителей каких только национальностей в ней не было... Ирландцы, шотландцы, англичане, валлийцы и даже залетные француженка и немец. Возможно, и даже наверняка, были и другие.

К этому времени цирк оказался в чрезвычайно затруднительном финансовом положении. Труппа была на грани развала, платить артистам было нечем, покупать и чинить имеющийся инвентарь не на что. Директор велел разбить выдавший виды шатер у неких древних развалин и предложил труппе самораспуститься. После бурных дебатов карлики-лепреконы решили держаться вместе в надежде на лучшие времена. В итоге оказалось, что это было правильное решение. Развалины постепенно привели в порядок и даже соорудили в них некое подобие арены. Вернее, использовали старую круглую площадку, находившуюся в центре развалин. Представления с горем пополам начались, в цирк потянулись зрители, и дела труппы несколько

поправились. Вскоре вокруг цирка выросла небольшая деревенька, со временем ставшая городишкой по имени Хоулленд – очевидно, потому, что дыра это была еще та.

Как-то раз директор цирка, выпивая в немедленно возникшем в городке пабе, очевидно, под влиянием значительного количества алкоголя написал со своим приятелем, судейским крючоктвором, и отослал в британский парламент петицию о выходе Хоулленда из состава Британской империи. Вряд ли бы в парламенте вообще обратили внимание на эту бумагу, если бы не подавленное незадолго до этого Пасхальное восстание. Говорят, что сам сэр Уинстон Черчилль лоббировал «карликовую независимость». Но как бы там ни было, шестого ноября тысяча девятьсот семнадцатого года в историческом пабе «Пинта лепрекона» в Дандолке представителем Парламента Соединенного Королевства Дэвидом Ллойд-Джорджем и абсолютно обалдевшим от происходящего директором цирка «Лепреконт» Итэном Кэррингтоном был подписан договор, по которому Британия признавала Свободную Республику Хоулленд своим независимым доминионом.

На что рассчитывал Джон Буль, когда принимал подобное решение, достоверно неизвестно, во всяком случае, ирландцы шутку не оценили, скорее наоборот. Первым государством после Великобритании, официально установившим дипломатические отношения с Хоуллендом, был советский Лимерик. А вторым – Свободная Ирландская Республика. И вообще, ирландцы, народ суеверный, сочли сам факт существования Хоулленда добрым предзнаменованием и после обретения независимости старались не забывать о своих во всех отношениях маленьких соседях.

Население Хоулленда выросло в годы Второй мировой войны за счет бежавших с континента карликов. Гитлер, как известно, преследовал все и всех, что, по его мнению, имело признаки вырождения.

Город стал больше, но не стал богаче.

– В общем, лепреконтны у нас бедные, – грустно сказал таксист. – Примерно три четверти населения Хоулленда – карлики. И хотя они гордо зовут себя лепреконтнами, но чудес делать не умеют. Страна живет только за счет полиграфкомбината, печатающего марки и миниатюрные книжки. Но спрос на эту продукцию сейчас резко упал. Все эти компьютеры... И... как их? Гаджеты. Ведь электронные письма не требуют марок, а вместо бумажной книжки можно читать электронную, со смартфона. Кроме полиграфического комбината, в бюджет поступают деньги и туристического агентства, организующего экскурсии в Хоулленд с посещением все еще работающего цирка лепреконтнов. Цирк, кстати, у них неплохой. Советую...

Водитель притормозил перед светофором и продолжил, когда мы тронулись на зеленый сигнал:

– Многие уехали на Большую землю. Я вот и подумал грешным делом, что вы как раз из таких, – закончил свое повествование водитель, его звали Дэн, и уставился на меня, стоя в очередной пробке.

Я понял – пришел мой черед рассказывать свою историю. И тогда я решил не скрывать ничего.

Меня зовут Фокс Райан. Если вы хоть немного интересуетесь наукой, вы наверняка слышали обо мне. Два раза я номинировался на Нобелевскую премию, причем в двух разных номинациях, а третий раз – в составе группы исследователей. И уж точно вряд ли вы ничего не слышали о моем скандальном докладе в ЮНЕСКО, после которого мне и пришлось уехать куда глаза глядят.

Меня зовут Фокс Райан, и мне сорок девять лет. Я профессор физики, астрофизики и биохимии, член Лондонского Королевского общества, почетный профессор Кембриджа, лауреат медали Больцмана, королевских медалей по физике, химии и биологии, множества премий и прочая, и прочая. Первую профессию я получил в двадцать восемь лет. Какое-то время

меня буквально носили на руках, а я упивался наукой, занимаясь астрофизикой, биохимией, исследованиями в области энергетики и гибридного материаловедения. Первые наноботы, искусственная кожа и технологии монокристаллов – все это плоды моего труда, которыми вы пользуетесь каждый день или будете пользоваться в близком будущем.

Меня зовут Фокс Райан, и когда я говорю, что мой рост составляет четыре фута, я лгу. На самом деле всего три фута и девять дюймов. Но еще девять месяцев назад я был совершенно не таким. Нет, гигантом я не был никогда, но до шести футов недотягивал всего каких-то полдюйма. Нынешний мой рост – следствие моего непомерного, можно сказать фанатичного научного интереса. Я был одним из наиболее активных участников WWF и активно сотрудничал с ее исследовательским отделом в изучении энергетической экологии и сохранения окружающей среды. Наша цивилизация в процессе своей жизнедеятельности излучает в атмосферу огромное количество энергии, и это непосредственно влияет на климат и природу в целом. Мои коллеги боролись за энергосбережение, меня же больше интересовало создание эффективного источника энергии с повышенным коэффициентом полезного действия. При чем повышать его я планировал именно за счет сокращения рассеивания при выработке и передаче энергии.

Могу сказать, что я почти создал такой источник. Для меня были открыты все двери, вплоть до лабораторий Вестингауза, Лос-Аламоса и Ливермора. Девять месяцев назад у меня в распоряжении был свой собственный ядерный реактор с КПД около семидесяти процентов – вдвое больше, чем у любого существующего, и в полтора раза выше, чем у российского «царь-токамака».

Все закончилось в одну роковую для меня ночь. Если бы дело происходило в фантастическом романе, той ночью непременно грохотала бы гроза и ветвистые ослепительные молнии рассекали бы небо. На самом деле был душный августовский вечер, а в природе царил полный штиль.

Слава богу, что я был в тот вечер в лаборатории один. Мой допуск позволял мне работать в любое время суток, а после захода солнца мне всегда работалось легче и продуктивнее. Я запустил первый цикл моего реактора, чтобы выработать энергию для защитного контура, который и был моим ноу-хау – реактор покрывала невидимая и почти неосязаемая, но абсолютно, как мне казалось, непроницаемая «рубашка» из электромагнитного поля. «Рубашка» служила надежной ловушкой для излучений. Я как раз спустился в машинный зал, чтобы лично снять показания с ряда приборов, фиксирующих параметры внутри защитной оболочки.

Я был абсолютно уверен в прочности этой «рубашки» и ни о чем не беспокоился. Но, как известно, где тонко, там и рвется. Потом выяснилось, что дело было в бракованном ТВЭЛе, который внезапно выдал столько энергии, что перегрузил все щиты. Этот момент, наверно, я запомню на всю жизнь – нерукотворный трещащий салют со стороны предохранительного щитка, реакторная стенка, постепенно становящаяся от нагрева темно-вишневой, и паническая мысль, что это конец и хорошо, если только мне одному. А потом внезапно все вокруг стало как-то больше, как в сказке про Алису в Стране чудес, и я потерял сознание.

Когда я очнулся, сказка продолжилась, но уже в форме кошмара. Я лежал в больничной палате, а вокруг меня копошились огромные фигуры в костюмах биозащиты. Я ничего не мог понять. По моим ощущениям, со мной все было в порядке, кроме странной галлюцинации (по крайней мере, я полагал, что это была именно галлюцинация) о том, что все предметы необычайно увеличались. Как-то, я бы сказал, агрессивно выросли в своих размерах. Лучше бы это действительно была галлюцинация! Когда консилиум у моего одра досконально проверил все возможные показатели и убедился в моей полной биохимической безопасности, все с облегчением стали снимать капюшоны, и первым появилось на свет божий красное, как после сауны, бородатое лицо моего старого знакомого, профессора Бенджи Мак Ги.

– Скажите честно, Райан, – сказал он взволнованно, – зачем вы, ученый, пили из бутылочки с надписью «Яд»?

– Хотел узнать, куда ведет нора кролика, – ответил я в тон ему. – Что со мной?

– Вы уменьшились в размерах, – ответил он совершенно серьезно. – Такое впечатление, что ваши прежние размеры умножили на коэффициент Фибоначчи.

Я мысленно посчитал в уме... М-да, выходит, что в метрической системе теперь мой рост был всего сто десять сантиметров. Я поднял руку к лицу. Ладонь казалась совершенно нормальной, но Мак Ги тотчас же поднес к ней свою, и его толстопалая клешня показалась мне настоящей ластой исполинского тюленя.

Вообще говоря, нельзя сказать, чтобы я был как-то особенно шокирован или напуган. Что ж, наука, как и искусство, требует жертв. Я скорее заинтересовался, что именно могло послужить причиной подобной трансформации, а главное, каковы были ее механизмы. Хотя размышлять над этим мне пришлось недолго – начали сказываться последствия этой самой трансформации, и приятными они отнюдь не были.

Мозг и желудок, словно сговорившись, активно протестовали против моего уменьшения в размерах. Мозг по-прежнему воспринимал мое тело таким же, каким оно было раньше, поэтому координация движений у меня разладилась напрочь. Какое-то время даже пользоваться вилкой или ложкой для меня стало невероятно трудной задачей. Мне пришлось учиться не то что ходить – просто вставать. Одновременно с этим желудок взбунтовался против обычной пищи, так что на какое-то время мое меню состояло из соков и детского питания. Все это, вкупе с медленно приходящим осознанием того, каким я стал, конечно же, вогнало меня в неслабую депрессию, но...

В конце концов, я же ученый, а значит, привык держать чувства на коротком поводке. Гораздо интереснее исследовать какое-либо явление, чем рефлексировать по его поводу. Поэтому с депрессией я кое-как справился, причем использовал самое доступное мне средство – работу. В процессе адаптации я с горечью обнаружил, что, несмотря на всепобеждающую толерантность, мир очень плохо приспособлен к существованию таких маленьких людей, как я. И это во всем, от выключателей, часто расположенных слишком высоко, до поездов и самолетов с их полками и сиденьями.

Тем не менее, уломав руководство клинического центра выдать мне необходимые допуски, я возглавил работу по исследованию феномена, произошедшего со мной. Эту работу я так и не закончил, и, насколько я знаю, она заглохла, равно как и мой проект повышения КПД и энергетической безопасности источников энергии.

А параллельно с этим я, может даже невольно, пытался найти свое новое место в этом навсегда изменившемся для меня мире. Найти хоть какие-то преимущества в своем новом положении. Преимущества – увы! – долго не желали находиться, в отличие от недостатков, которых было пруд пруди. Неплохая новость пришла ко мне в тот день, когда я вышел из больницы и решил это как-то отпраздновать. К тому времени мой желудок, к счастью, смирился со сложившимися обстоятельствами и с удовольствием принимал обычную пищу, к которой я привык. Поэтому я понес его в ближайший приличный ресторан в Беверли-Хиллз.

Вот там-то я и понял, что по меньшей мере с экономической точки зрения мое новое положение намного выгоднее старого. Я взял совсем немного, зато самых деликатесных блюд, которые всегда хотел попробовать, но наелся так, будто в одиночку оприходовал полноценный обед. Не говоря уж о том, что бокал красного вина я так и не допил, поскольку почувствовал, что почти опьянел, а я не сторонник злоупотребления алкоголем.

Приехав домой... Вообще-то, мой дом тогда находился по ту сторону океана, а в Америке я снимал квартиру в Санта-Монике. Так вот, вернувшись в свою ставшую внезапно огромной квартиру, я сразу после душа поспешил взяться за работу. Я был не то чтобы совсем несведущ в экономике, скорее эта область знания была для меня малоизвестна. Так что мне пришлось в

кратчайшие сроки разбираться с множеством практических вопросов, о которых я до этого не имел ни малейшего представления. Почему в кратчайшие? Я спешил подать заявку на международный экологический форум ООН, проводимый каждый год в рамках декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию. Мне показалось, что я нашел нечто важное, что заслуживает самого пристального внимания...

Кстати, на написание подобного труда меня подвигла в том числе работа одного сумасшедшего русского гения. Я до сих пор не могу выговорить его фамилию. Ци-ол-ков-ский, кажется, так. Этот гениальный безумец написал некое рассуждение, под названием «Человек, уменьшенный вдвое». Не могу удержаться и приведу цитату оттуда. Она очень близка к моим выкладкам и доказательствам.

Вот что он пишет:

«Его (человека, уменьшенного вдвое) механическая работа будет относительно вдвое больше: он может вдвое быстрее восходить на гору или лазить по лестнице, вдвое быстрее бежать (если принимать в расчет только трение и пренебречь сопротивлением воздушной среды). По отношению же к размерам уменьшенного тела эффект будет даже вчетверо сильнее. Так, нормальный человек восходит в минуту на один рост своего тела, а малый – на четыре роста своего тела. Абсолютная сила мышц уменьшится в 4 раза, так что борьба с великаном или вообще с людьми большого роста окажется невозможной: карлик будет побежден. Но относительная сила мышц возрастет вдвое: если раньше он руками подымал одного человека, то теперь с большей легкостью подымет двух себе равных...»

И так далее, и так далее. Фантастично, безумно, но ведь что-то в этом есть, черт побери! Он, правда, написал еще одну работу – «Человек, увеличенный вдвое», но она не пригодилась мне в системе моих доказательств.

Конечно, таксисту я рассказывал все это без подробностей, тем не менее он слушал внимательно и, похоже, проникся ко мне сочувствием и симпатией. Тем временем мы уже приехали. Он затормозил возле здания вокзала Коннолли, на мой взгляд, довольно красивого. Несмотря на мою принадлежность к миру науки, я интересуюсь и живописью, и музыкой, и архитектурой. Мне нравятся старые добротные строения из кирпича и природного камня. Впрочем, за рустованным фасадом прятался вполне современный дебаркадер, к тому же все впечатление от классики портил прилепившийся сбоку аляповатый торговый центр из стекла и бетона. Почему-то при взгляде на подобные сооружения мне становится неуютно. Они созданы для близких масс, а не для отдельного человека.

Я понял, что сижу молча уже почти полминуты. Таксист смотрел на меня с каким-то почти детским выражением лица – такое бывает у ребенка, которому рассказываешь интересную сказку.

– Вас не восприняли всерьез? – участливо спросил он.

Я достал из кармана пачку сигарет, одну взял себе, другую протянул ему.

– Хуже того, меня подняли на смех и даже стали сомневаться в моей адекватности и вменяемости. Решили, что авария и ее последствия травмировали не только мое тело, но и мою психику. Понятия не имею, что натолкнуло их на эту мысль, ведь мой доклад имел железобетонное научно-экономическое обоснование. Миниатюризация человечества дала бы нам два относительно сытых и безопасных столетия – ровно столько нам, по самым пессимистическим прогнозам, не хватает для того, чтобы надежно закрепиться в космосе...

Я махнул рукой и вздохнул.

– Боюсь, сэр, они даже не читали толком ваш доклад, – сказал водитель. – Безумной им показалась сама мысль уменьшиться. – Он затянулся и выпустил струйку дыма. – Видите ли, человек никогда не пойдет на такую жертву ради такой эфемерной цели, как охрана окружающей среды. Боюсь, проблемы экологии начнут беспокоить людей только тогда, когда от кислотного дождика у них станут выпадать волосы, дочь родит двухголового внука, а синтетиче-

ский хлеб своим вкусом станет похож на вату. Не раньше. Человек – чертовски самолюбивое и эгоистичное существо.

– Но люди науки не такие! – с жаром воскликнул я и, встретив его ироничный, но одновременно и сочувствующий взгляд, осекся. – Во всяком случае, не должны быть такими...

– Ну да, ну да, человек рожден быть подобным Богу, но стремится быть подобным скоту, – улыбнулся таксист, – кстати, насчет уподобления зверям – вы в Дырку¹ надолго?

– Думаю, если понравится, там осесть, – честно ответил я. – Надеюсь, там дома не дороже квартиры в Сохо?

– За такую сумму вы там полгорода купите, – подмигнул водитель. – У меня постоянный клиент оттуда, обычного роста, кстати. Он – директор тамошнего турагентства. Вот за счет которого и еще полиграфкомбината город как-то и живет. И по совместительству их какой-то министр, если я ничего не путаю. Так он говорит, что у них множество домов пустуют. Не очень понимаю ваше желание осесть там. В Хоулленде решительно нечего делать, поверьте мне.

– То, что мне надо, – сказал я. – Спасибо за интересный и полезный рассказ.

– Вам спасибо, – ответил он. – Сэр, будете в Дублине, позвоните мне прямо с вокзала, о'кей? Я вас и по городу повожу, а вечером можем выпить где-нибудь пивка. Меня зовут Дэн, Дункан Гэллоуглас, вот...

Он протянул мне визитку, и я спрятал ее в портмоне.

– Рад знакомству, Дэн. Обязательно звякну, если будет оказия. Сколько с меня?

Он начал было отказываться, но я настойчиво сунул ему приготовленные заранее деньги, рассчитанные мной по лондонским тарифам, после чего мне оставалось только пожать его крепкую руку.

– Странно, что вы едете на поезде, – сказал он мне на прощанье. – Автобусом быстрее бы добрались, это же «Энтерпрайз».

– Ну и что?

– Между Дублином и Белфастом часто шутники подбрасывают что-то на рельсы, и поезд вместо двух часов может идти часов шесть. Правда, в основном это ближе к границе случается, а вам же только до Дандолка...

– Откровенно говоря, ничего не имею против более длинного путешествия, – подмигнул ему я. – Ну, счастливой дороги!

– Вам счастливой дороги, сэр.

Он сдал назад, а я посмотрел ему вслед и подумал: он говорил со мной так, будто я по-прежнему шести футов росту.

Это пришлось мне по душе.

Поезд – тезка первого в мире атомного авианосца и космического корабля из сериала «Звездный путь» – ходил стабильно раз в два часа, потому долго ждать мне не пришлось. Путешествовал я практически налегке, имея при себе лишь большой, почти с меня ростом, походный чемодан с колесиками, который, впрочем, тут же перепоручил носильщику, а затем отправил в камеру хранения. Я взял билет и чертыхнулся, мне тут же пришлось извлекать на свет божий чемодан – поезд, на котором я собирался добраться до Дандолка, уже стоял у перрона.

Я люблю поезда, люблю большие пассажирские корабли, но до недавнего времени практически не пользовался ни тем, ни другим. В нашей современной жизни все подчинено целесообразности, все сковано ее прагматичными правилами. Я, как и все, кого я знаю, был замкнут в этой практичной клетке, но теперь твердо решил, что непременно вырвусь на волю. Потому я и предпочел поезд автобусу или аренде собственной машины. Мои водительские права, к

¹ Хоулленд (holeland) – земля Дырки, страна Дырки.

счастью, остались действительны, несмотря на произошедшее со мной, пришлось лишь заново сдать биометрию. Нет, я не собирался отказываться от автомобиля и рассчитывал взять что-то приличное по прибытии в Дандолк, но до города я все-таки решил ехать поездом. К счастью, мое место оказалось в самом хвосте вагона, к тому же у окна и одинарное. Присев в удобное даже для меня кресло, я с горем пополам отрегулировал его под свой рост, включил в сеть планшетник и заказал стюарду чай с круассанами – близился файф-о-клок.

Вагон был полупустой, народу ехало немного, в основном яппи обоих полов, которые, едва опустив пятую точку в кресло, моментально утыкались в свои гаджеты. В дальнем от меня конце салона устроилась веселая компания из трех парней и девушки, немедленно доставшая банки с элем и карты. Оттуда периодически доносились раскаты здорового смеха, но меня это ничуть не беспокоило. Толпа возбужденных футбольных фанов, на мой взгляд, была бы намного худшими попутчиками.

К моменту отправления, однако, вагон заполнился более чем наполовину. Контингент был примерно однотипный, прибавилась только одна семейная пара с двумя симпатичными рыжими детишками. Они сидели через проход и на ряд позади меня. Малыши то и дело косились на меня, и одного из них, которого я мысленно прозвал Дейлом, отец даже разок строго одернул. Другой (естественно, получивший прозвище Чип) был старше, а потому серьезнее. На нем, кстати, был даже плащик, как у Чипа, только вот шляпы не хватало для полноты образа.

Тем не менее место напротив меня никто не занимал, и, к сожалению, я догадывался почему. Должен заметить, что в своей прошлой жизни я бы и сам не сел напротив такого субъекта, каким я стал ныне. Это лицемерие, гордо именуемое толерантностью, прошито в глубине нашего сознания. Мы не умеем, более того, мы не желаем сочувствовать чьей-то беде. Проще сделать вид, что человек ничем от тебя не отличается... то есть затереть проблему. Сделать вид, что ее не существует.

Задумавшись над этим, я едва не пропустил момент, когда место напротив меня все-таки заняли. Едва – потому что появление моей соседки я не мог не заметить, хотя она двигалась легко, как тень облака в погожий день. Сначала мне показалось, что она ребенок, девочка не старше семи-восьми лет, но когда она подняла голову (она что-то искала в своей сумочке) и отвела прядь пушистых рыжих, как кожа апельсина, волос от лица, я увидел милое лицо молодой женщины.

При этом рост у нее был поменьше моего, вряд ли больше трех футов, если не меньше. Сначала я даже удивился, но потом вспомнил о том, что мне рассказал таксист, и решил, что девушка, вероятнее всего, тоже из Хоулленда. Она была молода, едва ли старше двадцати пяти, и признаки карликовости, за исключением малого роста, у нее были практически незаметны. Правда, у нее были немного детские черты лица, но такое сплошь и рядом встречается и у обычных женщин. Большие зеленые, или, выражаясь языком поэтов, аквамариновые глаза, пушистые рыжие ресницы и рыжеватые брови, курносый милый нос, небольшие, четко очерченные, пухлые губы, аккуратный подбородок... Девушку можно было даже назвать красивой, но нечто, встроенное в человеческую генетическую память, препятствовало этому.

Впоследствии я часто задумывался над этим: почему человек не в состоянии заметить красоту в тех, кто внешне отличается от стандарта, заложенного природой? В нашем «коллективном бессознательном», в самых его недрах, заложено нечто, отталкивающее нас от подобных людей. Вероятно, это происходит потому, что с биологической точки зрения подобные люди менее жизнеспособны, чем «полноценные». Но ведь мы живем совершенно в другом мире, чем наши далекие пращуры, полагавшиеся на свои инстинкты. Мы создали цивилизацию, защищающую нас от вызовов природы. Так разве после этого психология человека не должна была измениться, стать более лояльной и более восприимчивой к тем, кого до сих пор называют «неполноценными людьми»? Но нет, вместо этого мы искусственно создали «толерантность» и лицемерно заставляем себя «быть терпимыми». А ведь если вдуматься, какое

ужасное понятие заключено в самом выражении «терпимость»! Мы словно специально сами себя настраиваем против «не таких», иных, непохожих... Если человека принуждать к чему-то, внутри него рано или поздно созреет протест против того, к чему его принуждают! Невозможно любить из-под палки. Невозможно в принудительном порядке относиться к другому человеку, как к равному...

– Не узнаете? – непринужденно спросила девушка, заметив, что я совершенно неприличным образом уставился на нее. – Я вас тоже что-то не узнаю. Я Ариэль, дочь Блейка.

Это мне ровным счетом ничего не говорило. Имя Ариэль у меня прочно ассоциировалось только с духом из «Бури» Шекспира и навязчивой рекламой стирального порошка, а Блейк – исключительно с фамилией автора «Бракосочетания Рая и Ада»... Еще вроде был такой адмирал.

– Боюсь, мне это ни о чем не говорит, – улыбнулся я. – Меня зовут Фокс Райан. И я не из Хоулленда.

Я попал пальцем в небо, как оказалось. Девушка кивнула:

– Прослышали про наш городишко и решили посмотреть на независимую державу карликов? – спросила она непонятным тоном. Тем временем поезд тронулся, немного резко, и я придержал чашку с чаем, чтобы она не расплескалась.

– Мааааам!!! Их уже двое!!! – это нас заметил Дейл. Отец, вероятно, чистокровный англичанин, тут же состроил чопорно осуждающую мину, его высокая полноватая жена, типичная ирландка, сразу же наклонилась к сыну и что-то зашептала ему на ухо. Тот слушал и кивал, но искоса поглядывал на нас с Ариэль.

– Обожаю детей, – весело сказала моя спутница. – Они такие непосредственные. И не смотрят на тебя, как на чудовище.

– Разве на вас кто-то может смотреть, как на чудовище? – удивился я. Ариэль, на мой взгляд, была хоть и миниатюрной, но весьма миловидной. Я совершенно не мог себе представить, что кто-то может считать ее чудовищем.

Девушка как-то неопределенно пожала плечами:

– Ну, я говорю вообще. Но, откровенно говоря, меня не оставляет мысль, что люди чувствуют себя несколько неудобно в моем присутствии. Знаете, мне интересно общаться с людьми, но я давно заметила, что сковываю их. Они смотрят на меня так...

– Словно вы одолжили им тысячу фунтов? – спросил я, когда она сделала паузу, подбирая слова. Она вновь неопределенно пожала плечами. Она делала это так, будто ежилась от холода.

– Я никогда никому не одалживала денег и никогда не держала в руках больше сотни фунтов, – улыбнулась она. – Вообще, лепреконы живут небогато. Мой отец выбивался из последних сил и буквально на всем экономил, лишь бы я могла выучиться. Но, наверно, вы правы – так смотрят на тех, кому должны энную сумму и не могут расплатиться. Что-то вроде этого.

«Похоже, эта ситуация ей хорошо знакома...» – подумал я и решил сменить тему на более безопасную:

– Скажите, пожалуйста, долго ли мы будем ехать?

– До Дандолка? Не больше часа. Потом... Правда, не знаю, если сегодня есть представление, можно будет попроситься в экскурсионный автобус...

Я приосанился:

– Вообще-то в Дандолке я хотел взять напрокат машину, так что, если вы позволите, могу предложить подбросить вас до города.

Я ждал, что она начнет отказываться, говорить, что не садится в машину к незнакомцам, и даже уже приготовился уговаривать ее...

Но ее глаза загорелись.

– Вы водите машину? Это же здорово! Всегда мечтала водить машину, но у меня нет денег на автошколу... И потом что водить? У отца, правда, есть старенький «Додж»-пикап, но

он, в смысле, пикап, а не отец, ровесник «Битвы за Англию», и папа использует его только в крайних случаях. Да и не позволит он мне сесть за руль.

– А вы не знаете, где в Дандолке можно взять машину напрокат? – поинтересовался я. Конечно, можно было узнать все прямо на вокзале, наверняка пункт проката рядом с ним. Но, в конце концов, Ариэль была местной и, по моему мнению, должна была знать лучше. К тому же мне нравилось разговаривать с ней.

Я ошибся, девушка лишь снова пожала плечами:

– Откровенно говоря, не знаю. Я до того, как поступить в институт, вообще не выезжала из Хоулленда, а потом приезжала домой только на каникулы, так что я знаю Дандолк не лучше вашего.

– Тогда будем искать вместе, – решил я. – Вы не против?

Она покачала головой. Ее волосы при этом слегка заискрились в свете предзакатного солнца.

– Совершенно не против. Тем более что ехать домой в машине куда приятнее, чем трястись в экскурсионном автобусе.

Она вновь тряхнула головой, а я, словно замороженный, следил за ее волосами. Пока поезд стоял в дебаркадере вокзала, пока он тянулся между привокзальными строениями, ее волосы оттенком напоминали мне медь, но теперь они переливались, словно танцующее пламя.

– Я этого совершенно не понимаю! Такое впечатление, что «Харконен Энтерпрайзес» все равно, что чувствуют приезжающие в город туристы. Это при том, что ее хозяин, Дэвид Харконен...

– Барон Харконен? – изумился я.

– Почему барон? – удивилась она. Похоже, «Дюну» она не читала. – Просто Харконен. Так вот, Дэвид Харконен, наш президент... кажется...

– Кажется?

– Или президент, или канцлер. У нас так издревле повелось – если президент Харконен, то канцлер Кохэген и наоборот. Вообще-то, – Ариэль весело хихикнула, – это чем-то напоминает монархию. Первым президентом Хоулленда был Питер Кохэген, первым канцлером – Соломон Харконен. Первый приходится дедом нынешнего Стивена Кохэгена, второй – прадедом Дэвида.

– И к вам еще не явились американские морпехи? – улыбнулся я.

– Возможно, потому, что у нас нет нефти, – ответила она, мило улыбнувшись в ответ. – Хотя, если разобраться, у нас все вполне демократичненько, не менее, чем в тех же Соединенных Штатах. У них демократы и консерваторы, у нас консерваторы и лейбористы, вполне кошерно.

– Давайте угадаю. Харконен – главный консерватор?

Она опять мило заулыбалась и тряхнула головой, рассыпая золотинки волос.

– Наоборот, лейборист. Лейборист лоббирует туризм, что само по себе казус, – она внимательно посмотрела на меня. – Но вы, очевидно, разбираетесь в политике... Скажите, чем вы занимаетесь?

Мне почему-то было легко общаться с ней, и я думаю, не только потому, что она была ростом ниже меня на несколько дюймов.

– Угадайте, – предложил я.

Она задумалась, слегка наморщив носик, что само по себе было довольно мило, как и вся ее детская непосредственность при некоторой взрослой внешности.

– Вы политолог, – решила она. – А может, журналист. Странно, что я вас не знаю, хотя... Вы кажетесь мне знакомым. Вот только ка...

И она внезапно замолкла, а ее щеки залил такой румянец, какого я еще никогда ни у кого не видел. Даже у моего шурина – блондина, красневшего так, что даже шея розовела.

– Карлика-политолога вы бы запомнили, точно? – тихо и мягко сказал я. Она закрыла губы ладонью, жестом столь старомодным, что он казался совершенно чуждым окружающей нас обстановке современного поезда. Чуждым, как ангел в борделе.

Внутри меня что-то кувыркнулось, словно от выпитой рюмки доброго виски, но я протянул руку и, взяв ее запястье, отвел ладонь от лица.

– Вам совершенно нечего стесняться, – уверенно сказал я. – Мне кажется, что вам, как и мне, не по душе всеобщее лицемерие. Лично меня совершенно не беспокоит мой нынешний рост, я не вижу причин комплексовать по этому поводу.

А вы?

Она посмотрела прямо мне в глаза и ничего не ответила. Тогда я продолжил:

– Я не политолог и не журналист, хотя не так давно действительно мелькал в прессе. Я ученый, физик, химик, биолог и эколог. Раньше таких называли энциклопедистами, хотя на меня этот термин распространить нельзя. Во многих областях науки я не более компетентен, чем покойный осьминог Пауль в термоядерном синтезе...

Она снова внимательно посмотрела на меня. Казалось, вот-вот, еще немного – и она меня вспомнит, но увы...

– Несколько месяцев назад я выдвинул теорию, что человечеству для выживания надо уменьшиться в размерах. Признаю, теория очень сырая, но...

– Что вы говорите? А разве человек может уменьшиться в размерах? – с удивлением перебила меня она.

– Я смог, – ответил я, понимая, что говорю с некоторой толикой нехорошей гордости. – Я, к вашему сведению, не всегда был четырехфутовым.

У нее даже зрачки расширились от изумления.

– Вы меня разыгрываете?

Я вздохнул. Очевидно, опять придется пересказывать свою историю.

Общество Ариэль мне нравилось. Сначала я решил, это потому, что с ней я общался легко и непринужденно, как ни с кем другим. Ни меня, ни ее не сковывало то, что мы... необычные. А затем, когда я уже закончил свой рассказ, я вдруг понял, что вообще никогда ни с кем не общался так непринужденно, как с ней. Тогда я еще боялся признаться себе, а может, просто не успел понять, что она мне нравится, и не только как человек, но и как женщина. Я просто ни о чем таком не думал, а от души наслаждался ее обществом.

– Вам хуже, чем мне, – выслушав меня, сказала она простодушно.

– Почему это? – спросил я, любясь переливами света в ее волосах. Сейчас, когда солнце уже скрылось за деревьями, но еще не успело уйти за горизонт, ее волосы вновь стали медными, но не такими, как в Дублине, более теплых оттенков, словно подсвеченными изнутри.

– Потому, что я всегда была такой. Я ничего не теряла, и мне не с чем сравнивать, а вот вы...

Я совсем, как она, пожал плечами. Черт, кажется, это заразно.

– Откровенно говоря, меня не столько потрясло мое превращение, сколько реакция окружающих на него.

– Какая же она была?

– Ну, если в общих чертах... Все отчего-то решили, что я от этого должен впасть в непробудную депрессию. А когда я их разочаровал, поспешили объявить меня сумасшедшим.

Она с пониманием кивнула:

– Такое впечатление, что все считают нас глубоко несчастными в душе и стараются пожалеть, – она вздохнула. – Честно говоря, я рада тому, что возвращаюсь в Хоулленд. В большом мире мне было очень неуютно.

Я машинально кивнул, задумавшись над ее словами. Неуютно... А мне, когда я еще был нормального роста, было ли уютно в большом мире? Может, дело тут вовсе не в размерах? Если да, тогда Хоулленд, должно быть, удивительно приятное местечко.

Словно прочитав мои мысли, она продолжила:

– В Хоулленде все по-другому. Конечно, мы живем небогато, но как-то...

– Уютно? – подсказал я.

Ответить она не успела.

Поезд резко дернулся и остановился. Настолько резко, что моя чашка едва не опрокинулась – хорошо хоть, что чай я уже выпил. Я раньше не бывал в подобных передрыгах и не знал, нормально это или нет, когда поезд вот так дергается и останавливается. Потому паниковать не стал, но внутренне все же напрягся. А у окружающих на лицах явно отражался испуг. Значит, все-таки это ненормально.

Я увидел, что Ариэль тоже испугалась, и сказал, пытаясь говорить спокойно:

– И часто случаются такие внезапные остановки?

– Н... нет, – ответила она с дрожью в голосе. – Не знаю. Я не часто езжу на поезде. Говорят, что у «Энтерпрайза» такое случается.

Первая половина ее фразы противоречила второй, к тому же девушка была напугана, и я не знал, как ее успокоить.

– Странно, вроде новый поезд... Что бы это могло быть?

– Лучше не спрашивайте, – почему-то шепотом ответила она.

– Почему? – удивился я.

– Этот поезд идет в Ольстер, – ответила Ариэль.

– Ну и что?

– Вы, наверно, думаете, что ИРА – это уже часть истории? – спросила она. – А другие так не думают. В общем, на этой линии такие инциденты не раз уже случались, а после шотландского референдума, говорят, еще и участились...

Теперь и мне стало страшно, особенно с учетом того, что как раз в это время из задней двери вагона появилась пара бобби² в форме, ведущих на шлейке припадающего на заднюю лапу старого добермана.

Вот удача, попасть на теракт!

– Дамы и господа, экипаж поезда просит вас сохранять спокойствие, – заявил голос, дублирующий информационное табло, на котором до этого крутили какой-то винтажный фильм, кажется, «Ночного портье». – Остановка вызвана техническими причинами, никакой опасности нет...

– Ага, – громогласно заявил пожилой краснолицый джентльмен, сидевший в нескольких рядах впереди нас. – Примерно то же говорили на «Титанике».

На него возмущенно зашикали.

– Да ну, я не верю, – я постарался придать своему голосу полнейшую уверенность в том, что ничего особенного не происходит. И, кажется, это мне удалось. На Ариэль мое спокойствие, по крайней мере, подействовало, а большего мне и не надо было. Успокаивать всех краснолицых джентльменов в вагоне в мои планы не входило.

– Ух, – сказала она. – Если честно, я перепугалась.

«Если честно, я тоже...» – подумал я, но вслух говорить об этом не стал.

– Мааам, а когда мы поедем? – захныкал Дейл. Чип сидел тихо, но вид у него был напуганный.

– Расскажите мне еще про Хоулленд, – сказал я, стараясь отвлечь Ариэль. – А когда придет стюард, я закажу нам чаю с круассанами. Как вам мой план?

² Жаргонное название полицейских в Соединенном Королевстве.

Вообще-то, мне чертовски хотелось покурить, но я не решался оставлять ее одну.

Она хотела было рассказать мне что-то, но затем отрицательно покачала головой и тихо сказала:

– Вряд ли у меня сейчас получится... Лучше вы расскажите мне что-нибудь – про свою работу, например.

Я на миг задумался – не будет ли ей скучно? А потом действительно принялся рассказывать, благо слушала она меня очень внимательно, как Чип с Дейлом наверняка слушают мамину сказку. Я увлекся и рассказал ей о пульсарах, о спектрографии звезд, о том, как мы работали с данными японского кометного зонда «Хаябуса-2», о маленьком переводчике Ясукиро Тамадаме, который переводил для нас всякую мудреную документацию, и о том, что он, несмотря на довольно почтенный возраст, фанател от японского мультика «Утена».

– Это называется «аниме», – поправила меня Ариэль, – я тоже смотрела «Утену».

– И как этот фильм вам? – спросил я как раз в тот момент, когда в салоне появились все те же бобби с еще более меланхоличной и еще сильнее подволакивающей лапу собакой.

Ариэль скорчила скучающую рожицу и махнула рукой:

– Никак. Хотя моя подруга от него тоже фанатела.

Низко заурчали двигатели, вагон дрогнул, нервно завибрировал – похоже, поезд собирался тронуться. Народ вокруг постепенно успокаивался.

– Мааам, а почему собачка такая грустная? – спросил Дейл и, не дождавшись ответа, добавил: – А мы скоро поедем?

– Скоро, скоро... Сейчас и поедем, – успокоила сынишку мать, и словно в подтверждение ее слов, поезд легонько вздрогнул, и пейзаж за окном медленно, словно с неохотой, пополз нам навстречу.

– Я вас покину на несколько минут, – сказал я, убедившись, что поезд уверенно набирает ход. Спокойный голос из динамиков сообщил, что остановка была вызвана «подозрением на недолжное техническое состояние пути», так что, если верить информатору, бобби заодно подрабатывали путевыми обходчиками, а собаку, вероятно, использовали в качестве нивелира. – Пойду покурю и тут же вернусь, хорошо?

У нее даже зрачки расширились.

– А могу я... с вами? – тихо спросила она.

– Вы курите? – удивился я.

– Нет, не курю, разумеется... Но... – она на миг опустила взгляд, а потом вновь посмотрела мне в глаза, на этот раз с уверенностью. – Не хочу оставаться одна. И... мне интересно с вами.

– Вообще-то говорят, что пассивное курение вредит здоровью больше, чем активное, – сказал я, подавая ей руку и помогая встать. Это только кажется, что маленьким людям тоже просто в большом мире, но поверьте, даже встать с сиденья для нас не так легко, как казалось бы.

– Вы так увлекательно рассказываете про пульсары, – сказала она, смущаясь, – и я все никак не пойму, кто же вы по-настоящему – физик, биолог, астроном?

– Я же говорю – человек эпохи Возрождения, – сказал я наполовину в шутку, наполовину всерьез. – Последний энциклопедист, видите ли...

– Это как? – спросила она, когда мы вышли в курительный тамбур.

– Читаю все подряд, что только под руку попадает, с самого детства, – признался я, почему-то смутившись. – Кое в чем неплохо разбираюсь.

– И что же в этом плохого? – с неожиданным воодушевлением спросила она. – Я поступаю почти так же, интересуюсь многим, только в точных науках ничего не смыслю. Но зато какое удовольствие...

Она неожиданно ловко вскарабкалась на узенький парапет, идущий под окном тамбура. На этот парапет нельзя было поставить даже чашку, но, казалось, мою спутницу это нисколько не беспокоило.

– Между прочим, мне почему-то кажется, что даже такую серьезную вещь, как «Илиада», современники вряд ли воспринимали с бóльшим пиететом, чем мы относимся к книгам Яна Флеминга или Алистера Маклина.

– Обожаю Маклина, – вскользь заметил я. – У него всегда такие сюжеты... К тому же он знает, о чем пишет.

У нее даже глаза загорелись.

– Ой, мне он тоже нравится! А вот Тома Клэнси я не люблю.

– Вы просто читаете мои мысли...

Продолжая обсуждать наши литературные пристрастия, я докурил сигарету, и мы вернулись в салон. Чай стюарду я так и не заказал – через три четверти часа поезд уже подошел к перрону Дандолка.

Глава 2. Маленькая страна

Это странное место Камчатка...

Дандолк оказался прелестным маленьким городком, тихим и уже по-весеннему зеленым. Его вокзал больше напоминал остановку электрички – двойной перрон, с одной стороны, за путями, ряды симпатичных маленьких коттеджей, с другой – здание, больше похожее на офисный центр или фабрику, чем собственно на вокзал.

Нам с Ариэль определенно сопутствовала удача: прокат автомобилей, как я и думал, обнаружился прямо рядом с вокзалом, неподалеку от симпатичного небольшого скверика на Мак-Энти-авеню. Тут же рядышком было и небольшое кафе-мороженое. Я хотел было попросить Ариэль подождать меня в этом кафе, но она наотрез отказалась, и мы пошли выбирать машину вместе.

Кстати, подобрать машину для человека моего роста не такая уж простая задача. В конце концов я остановил свой выбор на «Фольксвагене Гольф», ничего меньше представлено здесь не было. Хозяин прокатной студии с недоверием смотрел на мои манипуляции с сиденьем и рулем (к счастью, все это я уже проделывал не раз, так что особых сложностей не возникло), но мои права, выданные практически четверть века назад, вкуче с обещанием заключить долгосрочный договор удерживали его от того, чтобы озвучить свои опасения. А уж когда я резво выехал с парковочного места и подрулил к его «офису»-будке, все его вышеупомянутые сомнения развеялись. Мы быстро заключили контракт, я внес залог и заплатил аванс, после чего, поспигналив на прощанье, покинул прокатную студию и подкатил к кафе.

Впрочем, посмотрев на это заведение поближе, я решил, что оно не стоит нашего с Ариэль внимания. По пути наверняка подвернется что-нибудь получше. Я поехал туда, куда указывал мне навигатор. На выезде из городка нам попался свежестроенный «Макдоналдс», и хоть я и не любитель фастфуда, но по совету Ариэль все-таки воспользовался услугами этого гадюшника, приобретя нам по пакетику нагетсов и по молочному коктейлю. Не знаю, как Ариэль, а мне этого пакетика вполне хватило на ужин и даже осталось на завтрак. Забавный, кстати, феномен – при уменьшении в жалких полтора раза моя потребность в пище сократилась почти втрое.

Справа по курсу садилось солнце, слева воды узкого залива уже отражали первые звезды. Мы пересекли по мосту впадающую в упомянутый залив реку Крегган, я включил радио и почувствовал себя свободным, как байкер. Конечно, «Фольксваген Гольф» не чоппер, да и скорость его не назовешь захватывающей дух, но что-то в нашей поездке было заворачивающее. И Ариэль рядом...

Мы почти не говорили с момента, как сошли с поезда, только по делу, но в ее обществе я чувствовал себя так, словно у меня отобрали тяжелый мешок, который я с детства таскал на своих плечах. Чего греха таить, когда в твоей жизни все идет наперекосяк, как у меня, невольно ешь себя поедом, то вспоминая причиненные тебе обиды, то коря себя за какие-то неправильно принятые решения. И от этого чувства собственной ущербности невозможно ни сбежать, ни спрятаться, оно преследует тебя и трезвым, и пьяным. Оно черной тенью идет за тобой, словно демон-искуситель или сама смерть, стараясь держаться слева.

Но сейчас слева от меня похрумкивала нагетсами Ариэль, и тень былых ошибок и разочарований меня совсем не тревожила. Впервые с момента, когда я принял решение совершить побег, я чувствовал себя не изгнанником, не отшельником, а хулиганистым школьником, сбегавшим с уроков. Я разорвал сковывавший меня круг, и впереди меня ждала свобода. Да я уже чувствовал себя свободным.

И это чувство мне нравилось.

Хоулленда мы достигли быстро. Алая полоса заката еще не успела погаснуть, а первые звезды пока были лишь тусклыми искорками в небесах. Внезапно море подступило к дороге с двух сторон – мы въехали на Хоуллендскую дамбу. Казалось, этот путь ведет в другой мир. Впереди, в лучах фар было уже не гладкое шоссе, с которого мы свернули минут пять назад по сигналу Ариэль, а дорога со щебне-гудроновым покрытием, на котором «Фольксваген» то и дело вздрагивал и даже слегка подскакивал, как молодая лошадь, впервые оказавшаяся ночью в чаще леса.

– И все-таки зачем вы приехали в Хоулленд, Фокс Райан? – внезапно спросила Ариэль. В сумерках она казалась старше и как-то взрослее, не такой наивной девчушкой, как при свете дня. Но ее волосы пламенели даже сейчас, они казались остывающей лавой успокаивающегося вулкана. – Вы так и не сказали мне этого.

– Ну, знаете ли... Что может быть лучше уединенного городка с пустынным пляжем? – уклончиво ответил я.

– У нас и пляжа-то стоящего нет, – возразила она. – Триста пятьдесят шесть шагов песка, остальное либо скалы, либо причал порта.

Она смотрела на меня, и я, на мгновение скосив глаза, заметил в ее глазах свет. Вот только что это за свет, я так и не понял – кроме фар нашей машины, направленных вперед, и недостаточно еще ярких звезд, других источников света в стремительно сгущающихся сумерках не было.

– Я понимаю, – сказала она с легкой, почти лукавой улыбкой. – Это, наверно, страшная тайна?

– Никакая это не тайна, – сердито ответил я. – Откровенно говоря, я и сам не знаю, зачем. Возможно, я просто следую за белым кроликом?

– Тогда, выходит, я ваш кролик? – с улыбкой спросила она.

Я не успел ответить – передо мной из темноты (сейчас дорогу с двух сторон окружали высокие скалы) появился шлагбаум со стоящим рядом с ним копом ростом едва ли выше меня. Коп подал сигнал остановиться, и я, как законопослушный гражданин, тут же выполнил его приказ.

– Сэр, – важно сказал полицейский, когда я опустил боковое стекло. – Разрешите мне как представителю Хоуллендской Народной Республики приветствовать вас и поинтересоваться целью ва...

Тут он заметил Ариэль, и его лицо мгновенно расплылось в улыбке.

– Ариэль! – воскликнул он, моментально растеряв всю свою представительность. – Ты вернулась!

– А то ты сомневался, дядя Бенджен! – ответила ему Ариэль, улыбаясь так же радостно, как и он.

– С возвращением, дочка, – радости копа по имени Бенджен, казалось, нет предела. – А с кем это ты?

– Это мой друг, доктор Райан, – ответила Ариэль, и, клянусь Гринвичским меридианом, я еще не слышал столь приятного слова, как ее «друг», – он приехал к нам ловить кроликов.

– Давно пора, а то никакого житья уже нет от этих тварей, – громогласно прокомментировал полицейский. – Добро пожаловать в Хоулленд, дорогой доктор. Мы всегда рады друзьям!

За грядой скал начинался городок, точнее, его предместья. Небольшие, тускло освещенные коттеджики жались к дороге, утопая в зелени садов, за ними простирались обширные поля. Вскоре, однако, коттеджная застройка закончилась, и на смену ей пришли небольшие двух-трехэтажные домики с ухоженными и не менее зелеными дворами. Гудрон под колесами вновь сменился асфальтом, хоть и довольно плохоньким, улицу освещали подслеповатые, тусклые фонари.

Мы миновали заправку и супермаркет при ней, причем супермаркет был не стандартной стеклобетонной коробкой, а стилизованным под миниатюрный особняк викторианского периода. Вообще архитектура города, как я потом неоднократно убеждался, была подчеркнуто-архаичной, словно вырванной из потока времени...

Впрочем, то же можно было сказать и об укладе жизни в городке вообще. Потом появился вездесущий «Бургер Кинг», похожий на пряничный домик, а за ним еще один как бы викторианский особняк, оказавшийся искомой гостиницей. Называлась она без особых изысков «Дырой».

– Придется мне остановиться в этой «Дыре», – пробурчал я, лихо поворачивая на стоянку.

– Не обращайтесь внимания на название, – рассмеявшись, ответила Ариэль, – эта «Дыра» вас приятно удивит. У Мэри очень чистые и светлые номера, к тому же у нее полный пансион, и готовит матушка Мэри прекрасно, вы в этом убедитесь.

В любом случае, «Бургер Кинг» был под боком, так что вопрос прокорма меня совершенно не беспокоил.

– Далеко ли отсюда до вашего дома? – спросил я, останавливая машину на абсолютно свободной, если не считать какого-то корейского микроавтобуса, парковке. – Я подброшу вас, вот только зайду, сниму номер.

– Что вы, что вы... Не стоит, – запротестовала она. – Я дворами за десять минут доберусь до своего дома. Вообще обычно меня встречает отец, но он на днях слег с подагрой, так что сегодня я впервые путешествовала одна.

– Мне кажется, все-таки не совсем одна, – подмигнул я и вышел из машины. Затем я обошел машину и помог выйти Ариэль, а потом достал из багажника свой чемодан и ее сумку. – И я все-таки настаиваю на том, что отвезу вас. Время, смотрите, позднее, а вы молодая и привлекательная девушка.

Она тихонько рассмеялась:

– Это же Хоулленд, мой родной город. Что со мной может тут случиться? Да я скорее у себя в прихожей лодыжку вывихну, чем...

Я воздел глаза горе и нарочито тяжело вздохнул:

– Прошу вас, не отказывайтесь. Может, это и ваш родной дом, но я все равно буду беспокоиться. И у вас довольно тяжелая сумка, я помогу ее донести.

– Хорошо, – наконец, согласно кивнула она. – Но только во имя вашего спокойствия. А пока идемте, я вас устрою в гостиницу.

В просторном (по крайней мере, мне так показалось, хотя, возможно, из-за моих уменьшившихся размеров. Так, например, зал ожидания аэропорта «Хитроу» теперь казался мне просто необъятным, словно стадион) фойе гостиницы было только два живых существа. Одним был старый серый попугай, дремавший в большой клетке. Другим – юноша, почти подросток, игравший на стареньком телевизоре приставкой «Нинтендо» в какой-то допотопный по графике файтинг. Когда мы вошли, попугай продолжил преспокойно дрыхнуть, юноша же вздрогнул, словно мы его застали за просмотром порнофильма.

– Э... ммм, чем могу служить... Ё-мое, Ариэль, ты как здесь?

Ариэль улыбнулась:

– Привет, Эдриэн. А я вот видишь – вернулась.

– Гонишь. Уже закончила Оксфорд, что ли?

– Закончила, но не Оксфорд, а Лондонскую школу бизнеса.

– А в городе все говорят, что ты в Оксфорде... – Лондонская школа бизнеса мальчишку не впечатлила, в отличие от меня – учиться в альма-матер Черчилля и Чемберлена, на мой взгляд, было покруче, чем в каком-нибудь гуманитарном колледже Оксфорда. Тем паче, я всегда испытывал подспудное недоверие к основному конкуренту моей альма-матер.

– Эдриэн, у тебя, между прочим, клиент, а ты всякой ерундой занимаешься, – весело сказала Ариэль.

– А... э... да, – смутился Эдриэн. – Чем могу служить, сэр? Желаете комнату?

– Обычно именно за этим и приходят в гостиницы, – ответил я. – Меня устроит обычный сингл. Есть у вас свободные?

– Завались! – радостно ответил парень. – В смысле, конечно, есть. – Он наморщил лоб и затараторил: – В номере полутораспальная кровать, письменный стол, журнальный столик, гардероб, душ и туалет. Есть интернет, проводной и вай-фай... Но вай-фай, если честно, паршивенький.

– У меня спутниковый, – сказал я, и парень воззрился на меня как шаолиньский монах на воплотившегося у него в келье Будду в бейсболке.

– Эээ, ну смена постельного белья раз в два дня. Но можем хоть два раза в день менять, только скажите. Полный пансион, завтрак и ужин домашнего типа, в обеденном зале, там, – он махнул рукой на одну из дверей, выходящих в фойе. – Питание домашнее, мама сама готовит. Если у вас есть какие-то требования к еде...

– Никаких ограничений, к счастью. Хотя вот только бобовых я не ем, не люблю. А так никаких ограничений.

– Хорошо, сэр. Если вы голодны, я могу маму разбудить...

– Спасибо, я не голоден.

– О'кей, тогда вам номер на первом или на втором этаже? С балконом или без?

– На втором, с балконом. Оформите сразу на десять ночей. И моя машина у вас на стоянке, учтите.

– Стоянка у нас бесплатная, сэр, – сказал он, набирая что-то на компьютере. – С вас двести пятьдесят фунтов, сэр!

Как по мне, так это было почти даром, но юноша расценил выражение озадаченности на моем лице по-другому:

– Вы можете внести аванс в сто фунтов сейчас, а остальные выплатить в конце проживания.

– Я заплачу сразу, – сказал я, доставая портмоне. – Карточки «Виза» принимаете?

– Так точно, сэр! – заявил Эдриэн, доставая из-под стола портативный терминал. – А вы точно не голодны?

Я забросил свои вещи в номер двести семь на втором этаже, попутно выяснив, что, кроме моего, в гостинице заняты только два номера, а затем спустился в фойе, где Ариэль с Эдриэном пили чай. Ариэль рассказывала парню про Лондон, тот слушал, едва ли не разинув рот.

– Ну вот, мне пора и домой, – сказала девушка, когда я появился. – Удачи тебе, Эдриэн, на экзаменах.

– Ох, удача мне точно не повредит, – ответил тот. – Счастливо, Ариэль, забегай к нам, мама будет рада!

Мы вышли на стоянку; на улице было по-майски тепло, но свежо, и хотя моря не было видно, его дыхание чувствовалось даже здесь, довольно далеко от берега. Я взял сумку Ариэль и предложил ей руку, и мы пошли от гостиницы в сторону, противоположную той, откуда приехали.

– Вы-то дорогу назад найдете? – обеспокоенно спросила Ариэль. – Кстати, у нас в городке навигаторы почему-то не работают, кроме военных.

– Не такой у вас большой городок, чтобы заблудиться, – усмехнулся я. – Это ведь центральная улица?

– Можно сказать, да. Тринити-лейн ведет на главную площадь, Сентрал-сквер; там ее пересекает Крайстчерч-стрит, и кто из них главная, непонятно. А за площадью Тринити спускается к порту.

– А Крайстчерч?

– Она начинается от полиграфкомбината и заканчивается возле нашего цирка. Это вот в той стороне... Вообще-то на Сентрал-сквер есть еще одна гостиница, новая, но она принадлежит Харконенам...

Не знаю, то ли по ассоциации с персонажами «Дюны», то ли потому, что Ариэль как-то странно произносила эту фамилию, но эти Харконены мне заранее были не по душе. Как, впрочем, и Кохэген, хотя тут у меня никаких негативных ассоциаций не было.

– Мне по душе ваша «Дыра», по-моему, там неплохо, – ответил я. – К тому же я планирую впоследствии перебраться в собственное жилище.

– Где, в Хоулленде? – искренне удивилась Ариэль. – Зачем это вам? У нас тут совсем нечего делать, поверьте мне.

Я пожал плечами:

– А может, я и не хочу ничего делать, – сказал я и внезапно добавил то, что доселе не озвучивал даже самому себе: – Ариэль, я в этой жизни слишком много работал. Делал, как вы говорите... Так много, что и не заметил, как прожил почти полвека. Все мои воспоминания – это работа, лаборатории, эксперименты, библиотеки, исследования, доклады и дискуссии... У меня нет ничего своего, личного, у меня нет места или времени, куда хотелось бы вернуться, понимаете? Моя жизнь похожа на мою лабораторию, в ней все стандартное, универсальное и безликое. Черт возьми, мне это не нравится!

Мы остановились. Вокруг нас простирался квартал, застроенный небольшими, но аккуратными и красивыми кирпичными двух-трехэтажками. Крыши домов были крыты красной черепицей, из них торчали аккуратные кирпичные трубы. На крышах можно было увидеть круглые чердачные окошки – некоторые из них даже светились. Дома были огорожены невысокими каменными заборами, украшенными подвесными вазонами с цветами. Во дворах во множестве росли цветущие фруктовые деревья, цветение было столь обильным, что казалось, будто деревья засыпаны снегом.

Мы стояли возле чугунного столба, увенчанного восьмигранным старинным фонарем, и я не удивился бы, если бы фонарь оказался газовым. Город казался декорацией к фильму об Англии начала прошлого века.

– Это, конечно, странно, – сказала Ариэль, – но я вас прекрасно понимаю. Мой отец тоже спит и видит, чтобы я осталась в Лондоне. А я, видите, вернулась сюда. Или вот Эдриэн – он хочет как можно лучше сдать экзамены и уехать в Корк, поступить в мореходную школу. А для меня нет ничего лучше нашего «захолустья»... Но почему вы выбрали именно Хоулленд? Я так понимаю, вы человек совсем не бедный, не считаете каждый шиллинг. Вы могли бы отправиться в Европу, в Америку. Да мало ли на земле интересных мест...

– Как раз потому, что любой на моем месте так и сделал бы, – ответил я. – А я не хочу. Ариэль, моя жизнь разбилась о камни, как корабль о рифы. Все, что казалось важным, вдруг стало ничтожным. Все ранее незыблемое оказалось фантомом. И я решил, что больше не играю по правилам.

Она внимательно смотрела на меня, так, как будто ей потом предстояло по памяти писать мой портрет.

– Кажется, я понимаю вас, – медленно сказала она. – Если не знаешь, куда идешь, рано или поздно приходишь куда надо, так?

Я кивнул.

– Ну, так идем, – встрепенулась она. – Только не через Крайстчерч, не хочу в центр. Если в Хоулленде есть место, похожее на Лондон, то это Сентрал-сквер.

И мы бодро пошли дальше. А потом вернулись назад, поскольку пропустили нужный поворот. Оказывается, в городке произошли некоторые перемены, и эти перемены явно огорчили Ариэль.

– Здесь был мой любимый букинистический магазин, – с тоской сказала она, глядя на новенькую вывеску секс-шопа. – Там работала миссис Штайнер. И я после школы частенько брала у нее книги и читала вот в этом кафе, – Ариэль показала на маленькое кафе-бистро, уже закрытое на ночь. – А теперь тут черт знает что такое.

Букинистический магазин? Из того, что успела мне рассказать Ариэль, у меня сложилось впечатление, что букинистический бизнес в Хоулленде вряд ли мог бы приносить сколько-нибудь значительный доход. Но для Ариэль, конечно, то, что ее любимый магазинчик закрылся, было потрясением. И я ее хорошо понимал.

– Жизнь состоит из потерь и находок, – глубокомысленно сказал я, не зная, как ее утешить. – Но я вам искренне сочувствую. Может быть, ваш любимый магазинчик открылся в другом месте...

– Спасибо, – поблагодарила она, а потом добавила: – Будет очень жалко, если он исчез навсегда. Такие вещи составляют твоё прошлое, твои воспоминания. Когда что-то теряется, образовавшуюся пустоту заполнить нелегко.

– Я знаю, переживал нечто подобное, – я достал сигареты. – Вы не против, если я закурю? Моя невинная просьба была расценена Ариэль совершенно неожиданно:

– Конечно, нет, и простите меня, пожалуйста!

– За что? Не понимаю...

– За мое маленькое огорчение. Вы-то потеряли гораздо больше!

Я махнул рукой:

– Но ведь и приобрел много? – Мы двинулись в глубь улицы, освещенной даже хуже, чем Тринити-лейн. Фонари встречались здесь гораздо реже и не все горели. А если и горели, то как-то тускло. Или это мне так казалось из-за усталости.

– И что же вы приобрели? – спросила она.

– Свободу, – ответил я искренне. – Полную отрешенность от всего. И еще белого кролика в друзья.

– Чувствую, это прозвище ко мне теперь прилипнет, – усмехнулась девушка. – Ну, что тут поделаешь.

– Оно вам не нравится? – поинтересовался я.

– Нет, нравится, – возразила она. – А вообще мне почему-то все придумывают прозвища, а по имени зовут редко. И... я не люблю, когда меня зовут по имени. Сама не знаю, почему.

Дом, в котором жила Ариэль с отцом, оказался небольшим, ничем не примечательным коттеджиком в самом конце улицы. Точнее говоря, в самом конце был миниатюрный парк с клумбой посередине, в центре которой стоял такой же винтажный восьмигранный фонарь. Этот тихий район был застроен такими же небольшими домами, как на окраине города, и лишь за парком возвышалось трехэтажное здание, вероятно, общественного назначения, так как в нем не светились ни одного окна.

– Ну, вот я и дома, – сказала Ариэль, забирая у меня сумку. – Зайдете в гости?

Даже не глядя на часы, я знал, что сейчас уже начало одиннадцатого, так что для визита было поздновато. Я отрицательно покачал головой:

– Нет, как-нибудь в другой раз. Время уже позднее... Да и вам надо после разлуки побыть с отцом.

Казалось, Ариэль была разочарована моим отказом.

– Но вы все-таки заходите к нам, – сказала она, и ее голос показался мне немного жалобным. – Мы будем рады видеть вас. И спасибо, что подвезли.

– Да не за что, – галантно поклонился я. – Мне было очень приятно, и мне очень нравится ваше общество, я уже, кажется, это говорил.

– Так, может, вы все-таки зайдете? – оживилась она.

Я отрицательно покачал головой, а затем протянул ей свою визитку:

– Тут только нижний телефон работает, – сказал я. – Возьмите на всякий случай. Вдруг понадобится.

Она взяла визитку и так и держала ее в руках, пока не вошла в дом.

– Ну... – она явно не знала, что сказать. – Тогда до встречи, Фокс Райан.

– До встречи, – улыбнулся я. – Бегите домой, уже поздно.

И она послушно направилась к своему коттеджу, а я все-таки достал из кармана сигареты и прикурил. Раньше я почти не курил... Точнее, раньше я совсем не курил, а закурил, когда жена подала на развод. Теперь, кажется, я начал этим несколько злоупотреблять. Интересно, есть ли в Хоулленде спортзал?

Мои мысли скакали с одного предмета на другой, но внезапно я поймал себя на том, что просто избегаю мыслей об Ариэль, хотя при этом стою и зачарованно смотрю, как она поднимается по ступенькам, как достает из бокового кармана сумки ключи...

Она уже дома, в своем дворе, вокруг нее уже вертится невесть откуда взявшийся крупный пес, похоже, дворняга. Ей ничего не угрожает, да и вообще не угрожало в этом маленьком и по-хорошему провинциальном городке, и тем более она не нуждается в моей защите.

Чего же я тогда стою, как вот этот фонарь посреди клумбы? Надо идти. Но ушел я не раньше, чем за ней закрылась дверь.

Я неспешно шел обратно к гостинице, курил и размышлял. Вообще говоря, с детства мое мышление было дисциплинированным, подчиненным учебе, науке, исследовательской работе. Строгая логика рассуждений не допускала никаких эмоций, и внезапно я вообще усомнился, были ли у меня когда бы то ни было сильные чувства.

Странно? Ведь я никогда не задумывался об этом. Все мое внимание, все силы поглощала наука. Там были сосредоточены мои интересы, туда направлены мои устремления. А место чувств занимала их небрежная имитация. Да, я был женат и женился на симпатичной студентке пятого курса, которому читал лекции. Типичная история: преподаватель женится на студентке. Впоследствии я сильно удивлялся тому, как она вообще добралась до пятого курса, да еще и с неплохими показателями успеваемости – ее знания неуклонно стремились к нулю, она забывала совершенно элементарные вещи сразу же, едва сдавала зачет или экзамен. Наша совместная жизнь не задалась почти с первых же дней, мы были чужими друг другу людьми...

Но могу ли я ее в этом винить? Разве сам я не был... Разве сам я отдавал ей больше, чем она мне? Она не жила в моем мире, не интересовалась им, но и я был чужаком в ее вселенной. Что объединяло нас, что делало нас семьей? Мы жили в одном доме (при этом я часто и надолго уезжал), вместе ездили в отпуск и, когда я был в Лондоне, спали в одной постели и ели за одним столом – вот и все! Я прожил в браке почти полтора десятка лет, но даже не знал, какую музыку она слушает, какие книги читает и читает ли что-нибудь вообще. Я знал о ней не больше, чем о каждом из тех, с кем работал, а о некоторых знал намного больше, чем о собственной жене.

Странно... У нас есть сын, внешне моя полная копия. Я радовался его рождению, в честь его я даже назвал обнаруженный мной в Крабовидной туманности рентгеновский пульсар. Но сейчас, оглядываясь в прошлое, я не могу сказать, что был хорошим отцом. Я мало общался с сыном по-настоящему, даже на отдыхе, не играл с ним, не прочел ему ни одной книги, ничему его не учил, мы ничего не мастерили вместе. Неудивительно, что я стал и для него чужим человеком. Да никогда близким и не был. Чего же тут удивляться, что он так легко от меня отказался?

Воспоминания о сыне нагнали на меня грусть, как ветер нагоняет с моря дождевые облака. Я глубоко затянулся, остро чувствуя табачную горечь. Но стоило мне вспомнить Ариэль, и эта грусть тотчас же рассеялась. Это было абсолютно нелогично, ведь Ариэль являлась для меня совсем посторонним человеком. Просто удивительно. Мы были совершенно разные и жили в разных мирах, но за те шесть часов, которые я провел в ее обществе, я ни разу не чувствовал той неловкости, которая возникает, когда с человеком не о чем говорить. При этом мы вовсе не трещали без умолку, не давая себе передышки, но даже молчание в ее компании не было тягостным и неловким.

Я прекрасно понимал, что наши с Ариэль миры слишком далеки друг от друга, но почему-то то, что она существует в этом мире, делало его светлее и теплее. И это ощущение ненавязчиво вплелось в поток моих новых ощущений и уверенно заняло там свое место. Это и радовало меня, и немного смущало, я не знал, что мне с этим делать. До этого ничего подобного я не испытывал.

В конце концов я перестал копаться в своих ощущениях и переживаниях и стал просто наслаждаться прогулкой под пасмурным весенним небом, где сквозь прорехи набежавших туч виднелись яркие звезды. Многие из этих звезд я знал не только поименно, мне была известна их подробная биография, их «жизненные показатели» – параметры спектра, состав звездного вещества, размеры, температура... Они мне были ближе, чем многие мои знакомые. Но в тот вечер я в первый, но отнюдь не в последний раз просто наслаждался их красотой. Не помню, кто из поэтов сказал, что есть два способа смотреть на звездное небо. Первый: смотреть и знать все созвездия, законы их движения по небосводу. И второй: просто смотреть и любоваться безмолвным сиянием безымянных звезд. Пожалуй, я впервые смотрел на звездное небо вторым способом.

Не как ученый, а как обычный человек.

Прогулка моя затянулась, так что в гостиницу я вернулся только в первом часу ночи. Я чувствовал приятную усталость и предвкушал здоровый сон в удобной кровати. В номере я принял душ, затем вышел в халате в коридор и ограбил стоявший там автомат на чашку ароматного кофе. Я выпил его на балконе, с которого, как оказалось, открывался неплохой вид на город, поскольку гостиница стояла на возвышенности.

Я безмятежно прихлебывал кофе и смотрел туда, где был виден довольно большой, похожий на террикон шахты темный абрис. Вероятно, это и был тот самый знаменитый цирк, директором которого, как я теперь знал, был отец Ариэль. Так это или нет, я узнаю завтра. Ариэль говорила, что их дом совсем рядом с цирком, всего в двух кварталах ходьбы от него. Вообще говоря, мне кажется, что выражение «совсем рядом» без всякой натяжки можно применить ко всем объектам этого города.

Но сейчас я смотрел в направлении темной конусообразной громады и думал, что где-то там, рядом с цирком, дом Ариэль. Девушки, которая совершенно для меня неожиданно что-то изменила в моей жизни.

Когда кофе был выпит, я раскрыл настежь балкон и окно и улегся в кровать. Прежде чем уснуть глубоким сном, я понял, что с кровати видны звезды.

И это, наверно, символично.

Глава 3. Гражданин Хоулленда

*Но все, что мне нужно, – это несколько слов
И место для шага вперед.*

Проснувшись, я довольно долго валялся в постели, глядя, как солнечные зайчики играют в догонялки на потолке. Затем встал и неторопливо поплелся в душ.

Обычно, принимая душ по утрам, я планировал свои дела на весь день, но единственное, что я напланировал сегодня, было решение действовать без всякого плана. И это мне нравилось.

Будь что будет, отдадимся вольному полету, свободному парению. Мое состояние можно было сравнить с легким подпитием: я пребывал в незнакомой мне дотоле эйфории, и, вероятно, мои решения нельзя было назвать логичными и обоснованными. Образно говоря, я взял рифы парусов и лег в дрейф, терпеливо и беззаботно ожидая, куда волны и ветер занесут мой жизненный кораблик.

А что толку планировать, рассчитывать, выстраивать последовательность действий, если случайный перепад напряжения в электрической сети может пустить под откос все ваши планы скопом, и не только на весь день, но и на всю жизнь?

Нет-нет, больше никаких планов. *Se faire la belle*³, черт возьми.

Я оделся неброско и практично – черные джинсы, рубаша, черный реглан с принтом мужика в балаклаве с «АК-47», кожаные кроссовки. Ничего, сойдет... Пригладил перед зеркалом шевелюру и, немного волнуясь, вышел в большой мир, если его можно было назвать так в этом городе. Вообще город был весьма комфортен для меня, по крайней мере, на первый взгляд – здесь все было ниже, чем обычно. Даже зеркало было повешено так, что я видел чуть ли не всего себя, а не собственную макушку, как это происходило чаще всего. Или вот: в нормальном мире те же ступеньки для четырехфутового человека превращаются если не в пытку, то точно в издевательство.

В фойе был только один человек: незнакомая мне миловидная женщина примерно моего возраста, подсыпавшая зерна в кормушку флегматичного попугая. Мне она обрадовалась, как родному:

– Мистер Райан! Доброе утро! Вы не представляете, до чего же приятно видеть вас в наших краях! – заметив, что я с недоверием воспринял это громогласное заявление, она поспешно добавила: – Ваша слава докатилась и до нашего городишки, так что я весьма, весьма польщена!

Тем временем попугай в клетке наконец-то подал признаки жизни – он переступил с лапы на лапу и заявил:

– Зачем приперся?

– Флинт! – женщина шлепнула пакетиком корма по клетке, а затем представилась: – Мэри-Сьюзен Сэндз, хозяйка этой «Дыры».

– Очень приятно, – сказал я, улыбаясь. – И меня приятно впечатляет, что моя скромная персона вам известна.

– Ох, что же это я стою! – хозяйка «Дыры» определенно была ярко выраженным шизоидным психотипом. – Вы же голодны! Проходите в обеденный зал, пожалуйста, я вам сейчас быстренько организую завтрак!

– Не стоит беспоко... – начал было я, но Мэри-Сьюзен уже улетела прочь, рассыпав по дороге корм из пачки. Попугай немедленно прокомментировал ее спешное отбытие:

³ *Se faire la belle* – «уйти красиво», совершить побег (франц. сленг).

– Смоталась, слава богу, – и отвернулся.

Я пожал плечами, посмотрел на невозмутимого попугая, и пошел все-таки в обеденный зал, по размерам не превосходивший столовую моей лондонской квартиры, но уютный и даже с настоящим камином. Вообще атмосфера в «Дыре» царилась совершенно свойская, по-настоящему домашняя, а когда откуда-то донесся запах домашней стряпни миссис Сэндз, у меня волей-неволей потекли слюнки.

В результате ее усилий я был вознагражден восхитительным завтраком из яичницы с беконом, пары сосисок с салатом, солидного куса пудинга, сока и заварного кофе. Как по мне, таким количеством еды можно было накормить целую армию.

– Я составлю вам компанию? – спросила миссис Сэндз, когда я худо-бедно расправился с едой и наслаждался кофе. Настроение мое было благодушным, потому я охотно кивнул, и Мэри-Сьюзен заняла место за моим столиком напротив меня. Она тоже пила кофе, но, вероятно, ирландский, так как в букете его ароматов чувствовался легкий оттенок виски. – Надолго ли вы к нам приехали?

– Еще не знаю, – честно ответил я. – Но, вероятно, я пробуду здесь много дольше, чем рассчитывал. Мне здесь нравится.

– Но как же ваши исследования, ваше преподавание...

– Остались в прошлом, – грустно улыбнулся я.

Действительно, от преподавания меня отстранили почти сразу после аварии, под благовидным предлогом заботы о моем здоровье. А неофициально мой некогда приятель из попечительского совета... Не будем говорить, какого именно учебного заведения, чтобы не бросать жирную тень на альма-матер множества почтенных людей. Так вот этот приятель, находясь в легком подпитии, объяснил, что профессор со столь экстравагантным мышлением им не нужен. А уже потом внезапно растворились, как промокашка в серной кислоте, все мои контракты с ведущими лабораториями по обе стороны Атлантики.

Я мог бы, конечно, предложить свои услуги частным исследовательским центрам, той же Корпорации Фишера, регулярно поздравляющей меня со всеми праздниками, но я не хотел этого. Умерла так умерла. И нечего нервничать и дергаться.

Мэри-Сьюзен выглядела обескураженной:

– И что же теперь? Я имею в виду, как вы...

– Устрою себе отпуск, – улыбнулся я. – И буду отдыхать, пока мне это не надоест. Думаю, что произойдет это не скоро.

– У нас, в Хоулленде? – уточнила она.

Я кивнул.

– Почему бы и нет? Говорю же, мне здесь нравится.

– Тогда я этому рада. Даже если вы захотите съехать из «Дыры».

– Но почему вы так рады? – удивился я.

– Возможно, я одна из немногих, кто по-настоящему любит наш город, – ответила миссис Сэндз. – Я бывала в других краях, подолгу жила на чужбине...

– В Ирландии?

– В Штатах, – ответила она, почему-то слегка смутившись. – В Лос-Анджелесе. А потом вернулась и купила «Дыру». И знаете, Лос-Анджелес – город большой, красивый, город-сказка. Голливуд, Беверли-Хиллз, бульвар Сансетт... Город-сказка, – повторила она. – Но я считала дни до отъезда домой. И не потому...

Она замолчала. А я кивнул. Мне казалось, что я ее понимаю.

– Номер в «Хилтоне» может быть обставлен лучше и богаче, чем твоя квартира, – сказал я. – Но это всего только номер в отеле. Да?

– Я никогда не жила в «Хилтоне», – с улыбкой ответила Мэри-Сьюзен. – Но вы очень точно сказали. Хотите еще кофе? С пудингом. Вам нравится мой пудинг?

– Он просто прекрасен, – искренне сказал я. – но мой желудок не безразмерен. А вот от кофе я, пожалуй, не откажусь.

Она ушла и вернулась с пузатым металлическим кофейником, возможно, даже серебряным, и маленьким молочником со сливками. Налив мне и себе кофе, она вновь присела напротив.

– Я вам не мешаю? – спросила она. – Простите мою болтливость. Честно говоря, мне скучно: постояльцев почти нет, ведь цирк уже неделю как не работает. Да, неделю... С тех самых пор, как Блейк слег. И туристов больше не привозят. Мне, правда, от тех туристов достаются сушие крохи. Ведь в основном те, что ночуют в городе, останавливаются у Харконенов, но некоторые иногда и в «Дыру» заглядывают.

– Блейк – это мистер Кэрриган? – уточнил я. – Надеюсь, он скоро выздоровеет. Подагра – мерзкая штука, с ней трудно справиться.

– Я тоже надеюсь, – вздохнула Мэри-Сьюзен. – Отличный он человек и город наш любит, а цирк вообще только на нем и держится. Даже странно...

– Что странно?

– Знали бы вы его отца, вам тоже было бы странно. Авантюрист, пропойца, в город вернулся полной рухлядью, скрючившись от язв и цирроза. А вот жена у него была замечательная, но она, бедняжка, намучилась с ним. Тоже маленькая, но не наша, откуда-то из Южной Америки или Мексики. Она тоже выступала в цирке, пока силы были. Двадцать лет вдовой прожила, а при нашей бедности, я вам скажу, это не шутка! Блейк весь в нее, такой же серьезный, ответственный и верный.

Она вздохнула:

– Я в него влюблена была когда-то. А он женился на этой Наоми, гуттаперчевой женщине. Тогда я плюнула на все и уехала из Хоулленда... Зря, наверно, как я сейчас понимаю. А когда Наоми умерла, она ж болезненная была, Блейк совсем в себе закрылся. По-моему, он спит и видит, чтобы Ариэль отсюда сплавить на большую землю. А девочка не хочет, упрямая. Вся в папу.

Я кивнул, не зная, соглашаюсь я с ней или киваю собственным мыслям.

– А как вы с ней познакомились? – с чисто женским любопытством спросила она. – Ой, простите, может, еще кофе?

– Да нет, пожалуй, – покачал я головой, а потом ответил: – Просто в поезде ехали вместе.

Сказал и задумался. Вроде все правильно. Мы с Ариэль просто ехали в поезде. Потом в машине. Потом я проводил ее домой. Но я постоянно о ней вспоминаю, с тех пор как мы расстались. Может быть, потому, что Ариэль была первым человеком, с которым я общался просто так? Это, должно быть, выглядит странно – прожить на свете полвека и ни с кем никогда не общаться просто так. Везде сквозили прагматичность, подчинение обстоятельствам, чувство долга, научные интересы прежде всего... Да мало ли еще что. А вот просто так... Ни с друзьями (которые легко позабыли обо мне, стоило мне стать меньше в любом смысле этого слова), ни с родственниками, ни с женой, ни даже с собственным ребенком. Внезапно я осознал, насколько был одинок раньше, совсем не замечая этого одиночества.

– Она хорошая девушка, – сказала Мэри-Сьюзен и как-то странно на меня посмотрела. – Ох, я вас, должно быть, задержала?

– Ну что вы, я никуда не тороплюсь, – ответил я. – Мэри-Сьюзен, вы меня не проконсультируете?

– С удовольствием. Если смогу, конечно.

– Я, как иностранец, должен где-то тут у вас зарегистрироваться? Как говорится, встать на учет. То есть у меня есть ирландская виза, и мне сказали, что с ней я беспрепятственно могу въехать в Хоулленд...

– И не только въехать, но и проживать здесь сколько угодно, как и в Ирландии, – сказала она. – Мы с Эйре заключили договор об обмене таможенными полномочиями еще в двадцатых годах прошлого века. В порту есть ирландская таможня и береговая охрана. Допустим, если бы вы прибыли морем, имели бы дело с ними. А регистрацию вчера вам сделал Эдриэн. Конечно, надо было бы мне распечатать вам эту бумагу, но к чему она вам? Кто ее у вас спросит? В нашей полиции работает полсотни человек, и все друг друга знают. Если что, скажите, что остановились у меня, они позвонят, а я подтвержу. Хотя я совсем не представляю себе, по какой причине полиция может заинтересоваться вами. Разве что из чистого любопытства.

Я кивнул:

– Мы с Ариэль вчера видели одного из ваших полицейских, Бенджена. Он у меня даже паспорт не проверил.

Мэри-Сьюзен хохотнула:

– Так вы познакомились с мистером Бендженом Коннингтоном? Он – дядя Ариэль, сын двоюродной сестры Блейка. Между прочим, начальник нашей полиции.

– Да вы что! Начальник полиции? А дежурил на въезде в город у шлагбаума.

– У нас тут все запросто, – улыбнулась Мэри-Сьюзен. – Ну, тогда бумага вам точно не нужна, уж Бен-то вас точно запомнит!

– Скажите, а что у вас здесь за проблема с кроликами? – внезапно вспомнил я слова дяди Ариэль.

Мэри-Сьюзен пожала плечами:

– На холмах их развелось чересчур много. Когда-то из цирка сбежало несколько штук, а теперь их, говорят, сотни. Врагов у них здесь нет, а почва у нас удивительно плодородная; вы не поверите, но продуктами город обеспечивает себя сам. Так что пища у нас не только вкусная, но и здоровая.

– Трудно этого не заметить, особенно в вашем исполнении, – улыбаясь, кивнул я. – Так, говорите, регистрироваться мне не надо?

– Разве что если захотите получить гражданство. У нас с этим просто – достаточно написать заявление в произвольной форме и подать его канцлеру.

– Лично канцлеру?

– Аппарат президента тоже невелик, поэтому да. Хотя Харконен тут поднимал вопрос, чтобы ему предоставили секретаря, но Кохэген отказал ему наотрез. Да и смысла нет, Кохэген сам уже второй год себе секретаря никак не найдет. – Она наклонилась вперед и сказала немного тише, словно по секрету: – А потому что оба жадины жуткие, и он, и Харконен. На ту зарплату, что они предлагают секретарю, даже нищий не позарится. В цирке и то платят больше, хоть Блейк, по слухам, в долгах как в шелках.

Она выпрямилась и спросила:

– Ну как, помогла я вам?

– Да, огромное спасибо, – я встал из-за стола. – Я, пожалуй, пойду.

– Счастливой дороги, – напутствовала меня она. – Если что, ланч будет в четыре, а ужин после восьми.

Я кивнул и направился к выходу.

Сначала я пошел проверить, как там моя машина. Машина, как я и ожидал, была в полном порядке: мирно себе стояла на совершенно пустой стоянке. Я заметил, что с того места, где располагалась стоянка, на город открывается великолепный вид. Посмотрим, посмотрим... Я неторопливо закурил и немного постоял, обозревая город и страну, где мне предстоит жить.

Как я уже сказал, долина, в которой располагается это маленькое государство, со всех сторон была окружена довольно крутыми холмами, образующими нечто вроде обширной котловины. В самом центре этой котловины, на холме, виднелось здание наподобие невысокой,

но широкой башни, и я, хоть и не был историком, сразу опознал в ней брох. Такие крепостные башни, считается, в незапамятные времена возводили на Фарерских островах и в Шотландии пикты. Возможно, это были сакральные сооружения. Строились они методом сухой кладки, без скрепляющего раствора и, тем не менее, были удивительно прочными. Древние каменотесы и строители знали свое дело. А вот этот несомненный брох, однако, был построен в Ирландии, что само по себе было необычно. Кроме того, он относительно хорошо сохранился. Его стены, насколько я мог судить, были сложены из массивных каменных блоков, вырезанных в скалах, окружающих котловину.

Сверху брох был покрыт темным шатром. Я догадался, что, очевидно, это и был местный цирк, директором которого являлся отец Ариэль. Забавное применение для древнего сооружения, представляющего, насколько я понимаю, огромный исторический интерес. Впрочем, это совершенно не удивительно, если вспомнить концертные залы, переделанные из римских амфитеатров, или первые христианские храмы, бывшие некогда римскими базиликами.

Цирк стоял на окраине города, огибавшего его плавной дугой с юга. В итоге город занимал почти половину котловины. Вторая ее половина была занята полями, огородами и пастбищами, кое-где виднелись сады в цвету и небольшие ярко-зеленые рощицы. На самом севере долины в лучах солнца мерцало и серебрилось небольшое озерцо. Вытекающая из него речка или, скорее, ручей протекал к северу от цирка и, расширяясь, впадал в море. Холмы, окружавшие долину, к востоку понижались, так, что часть котловины у моря, там, где в него впадал ручей, была разомкнута, образуя небольшой залив. В общем, замечательный, сказочный пейзаж.

Тринити-лейн, которая вчера казалась мне прямой, оказалась вытянутой по широкой плавной дуге. Пересекавшая ее Крайстчерч-стрит и другие радиальные улицы начинались на холмах и заканчивались неподалеку от цирка. Они имели уклон с юга на север – этого я вчера тоже не заметил. Впрочем, в этом городе все было не совсем таким, как казалось на первый взгляд, и впоследствии я неоднократно в этом убеждался.

Сам городок, за исключением двух центральных улиц (в основном Крайстчерч-стрит, во вторую очередь Тринити-лейн), был застроен уже знакомыми мне аккуратными двух- и трехэтажными домами из красного, потемневшего от времени кирпича. Все они были с черепичными крышами, казавшимися зелеными от покрывавшего их мха. Над крышами подымался настоящий лес довольно высоких кирпичных труб – не то рай, не то ад трубочиста.

Кроме цирка и нескольких стандартных хай-тековых зданий в центре, выделялись только два строения. Первое из них было готическим собором, словно украденным из второсортного ужастика – черным, из того же камня, что и цирк, с возносящимися к небу острыми, как иголки, шпилями. Почему-то собор производил мрачное, гнетущее впечатление. Острые шпили рвались к небесам, как будто требуя от них разгадки тайн земного бытия. Молитвенного экстаза в этом строении совсем не чувствовалось. Скорее экстаз ярости.

Второе здание явно строил тот же архитектор, потому впечатление от него было схожим с впечатлением от собора. Оно было ниже, но намного обширнее, а внушительная труба с южной стороны дополняла множество шпилей и машикулей, окружавших черепичную крышу. Крыша эта, надо сказать, вызывала неприятные ассоциации с крышкой гроба. Действительно гроб... Что за мрачная архитектурная фантазия? Прилепленная на фасад этого театра вампиров вычурная неоновая вывеска «Кохэген Энтертеймент» казалась здесь просто вопиюще неуместной.

Но в целом в этой котловине, в этом странном городе таилось какое-то неясное очарование, очарование детской сказки, немного страшной и завораживающе-интересной. Страшной сказки с хорошим концом. Тогда я лишь мельком почувствовал это, но при ближайшем знакомстве с городом ощутил уже сполна.

Я почти повторил наш вчерашний путь с Ариэль и даже свернул было на ту улицу, которая вела к ее дому, но вовремя спохватился и вернулся на Тринити-лейн. Зачем-то я заглянул в секс-шоп, где за прилавком скучала рыжая женщина средних лет: худая, бледная и веснушчатая, при этом нормального роста. На меня она зыркнула довольно неодобрительно, угадав, что ее покупателем я не буду. В ее взгляде читалось: «...здесь вам не музей!...» И верно, музеем ее заведение назвать было трудно. Странно, а женщина производила вполне приятное впечатление, даже несмотря на свой устрашающий товар. Выйдя из непотребного магазина, я понял, что вчерашние слова Ариэль о том, что здесь находился ее любимый букинистический магазин, и подвигли меня к визиту в это заведение. Я пошел дальше по направлению к центру, отмечая удивительную странность – улица казалась совершенно прямой, как струна, хотя сверху, со стоянки, я видел, что она отчетливо изгибается. Ближе к центру среди милых уютных трехэтажек стали появляться и более современные здания – пожарная часть с двумя раритетными красными «Фордами», супермаркет электроники, сияющие зеркальными стеклами представительства банков – «Алиед Ириш» и «Роял Скотланд».

Наконец Тринити-лейн вывела меня на главную площадь.

В центре площади был разбит небольшой сквер, а с западной стороны ее обрамляло не очень большое полукруглое здание, похожее на скобку и украшенное портиками дорического ордера. В одном из портиков мрачные кариатиды держали два длинных балкона с флагом Ирландии и неизвестным мне зелено-желто-синим полотнищем (как оказалось, это был флаг Хоулленда), другой в «углу» имел башенку, увенчанную таким же флагом, а портики на торцах были входами в аппарат президента и канцелярию Хоулленда.

Напротив этого сурового дома располагался, по местным меркам, небоскреб – двенадцатиэтажный современный дом из стекла и бетона, на фасаде которого красовался логотип «Харконен Энтерпрайзес». Своей зубчатой конструкцией он походил на лондонский «Хилтон Метрополь», хотя тут намного органичнее смотрелось бы что-то вроде «Вальдорфа». А так несуразное серо-стеклянное здание вносило явный диссонанс в атмосферу и этой площади, и города в целом. С другой стороны, за сквозным металлическим забором виднелось несколько разновременных трех- и пятиэтажных корпусов, разбросанных среди парковой зелени. И мне совсем не надо было видеть стоявшие у корпусов кареты «Скорой», чтобы понять, что передо мной городская больница.

Между больницей и отелем Тринити-лейн превращалась в довольно симпатичный бульвар, в конце которого виднелось мерцающее под утренними лучами солнца море. В центре площади, посреди сквера, сверкал водными струями фонтан в виде лепрекона, держащего в вытянутых руках изящную вазу, из которой упругие струи, действительно казавшиеся золотыми в лучах солнца, с плеском ниспадали в чашу. Бортики фонтана облюбовали вездесущие голуби.

В городе было непривычно мало машин, а те, что мелькали, были, конечно, в основном малолитражками. Разительным контрастом на этом фоне выступали стоявшие возле «скобки» «Роллс-Ройс Фантом», похожий на катафалк, и хищная акулоподобная BMW. Обе машины радикально-черного цвета. Компанию им составляла парочка «Мерседесов» и несколько так называемых «бюджетных» машин. В целом для главной площади города и страны такое количество автотранспорта было явно недостаточным. Сравнительно небольшая площадь выглядела просторной и пустынной.

Кстати, оказывается, по Тринити-лейн ходили автобусы, такие же, как и во всем остальном Соединенном Королевстве добротные даблдекеры, но только весьма почтенного возраста. На их бортах виднелась реклама, с головой выдававшая их белфастское происхождение. Я знал, что городские линии Белфаста получали от метрополии городской транспорт по принципу «на тебе, боже, что мне не гоже». Выходит, ольстерцы оказались прилежными учениками своих

британских учителей и свой собственный автохлам с выгодой сбывали маленькому государству.

Я присел на бортик фонтана и задумался. С одной стороны, Мэри-Сьюзен уверяла меня, что никакой специальной регистрации в стране не требуется. С другой – раз я намереваюсь провести здесь какое-то время, властям показаться все-таки стоит. Тем более, как меня уверяли, это совсем несложно. А потом у меня появилось вполне логичное для моего хулиганского настроения решение. Я встал и решительно пошел к «скобке».

Никаких табличек на входе я не заметил, и понять, какое именно перед тобою учреждение, было решительно невозможно. На входе в здание дежурил маленький (с меня ростом, то бишь) пожилой коп (к нему подошло бы слово с уменьшительно-ласкательным суффиксом – «копчик») с переброшенным через плечо антикварным автоматом системы «стен».

При виде меня он прямо-таки расплылся в улыбке:

– Как поживаете, мистер Райан? Вам понравилась «Дыра»? А наш город?

Решив про себя ничему не удивляться, я кивнул:

– Замечательное местечко. Простите, я вас не знаю...

– Барт, Барт О'Хиггинс, но можно запросто по имени – Барт. Это же вы приехали вчера с малюткой Ариэль, когда старина Бен стоял у шлагбаума. Так что всех нас с утра шеф предупредил о вас. Ну, и просил оказать максимальное содействие. Ведь вам нужно максимальное содействие?

Я неопределенно пожал плечами.

– Это приемная мистера Харконена?

– Не-а, это приемная Кохэгена, а у канцлера приемная с той стороны, – Барт хохотнул. – У нас скоро выборы, и они опять поменяются местами. Такая вот потеха! Между крыльями здания нет прохода, так что мебель приходится носить через площадь. Наверно, поэтому у нас выборы в конце июня.

– А он сам-то на месте? – уточнил я.

– Ага, на месте, – кивнул Барт. – Это Харконена никогда на месте не застанешь, весь день мечется, как угорелый, а Кохэген сидит здесь, как паук, разве что к себе в гроб наведается иной раз.

– Куда, куда?

– Да на свою фабрику. Мы здесь ее называем «гробом», она очень похожа на гроб. Да вы, наверно, видели: от «Дыры» ее прекрасно видно. Архитектор, который ее проектировал, был, по-моему, сумасшедшим, но гениальным сумасшедшим, я вам скажу.

– Да, видел, действительно, похожа. Собор тоже его работа?

– Вот именно. Он плевался и корчился, когда проектировал собор, поскольку, говорят, был чернокнижником. А еще он целыми днями торчал в цирке. Он верил, что Хоулленд – родина лепреконов... Ну, то есть *настоящих* лепреконов, а этот цирк – их древний храм. Вернее, развалины, на которых теперь устроен цирк. Вот под ними и, соответственно, под цирком и спит их верховное божество...

– По-моему, он просто начитался Лавкрафта, – сказал я.

– Точно, он его читал, – с энтузиазмом кивнул Барт. – Я тоже, когда читал «Каменного человека» и «Зов ктулху» Лавкрафта, вспоминал про нашего архитектора. Ой, да я же вас задерживаю, у вас важные дела к мистеру, – он скорчил забавную гримасу, выпятив челюсть, – Ха-ар-р-ко-нуну.

– Да мне, в общем-то, и Кохэген подойдет, – скромно ответил я. – Скажите, пожалуйста, где находится его кабинет?

– На четвертом этаже, – махнул рукой Барт. – Может, как закончите, заскочите ко мне? Поговорим, пропустим по рюмашке, ведь так интересно с новым-то человеком поговорить. Скучно здесь...

– А как же... – я кивнул на его автомат.

Барт меня не понял, а когда до него дошло, рассмеялся.

– Да он не стреляет, – подмигнул он. – Ну, то есть стрелял бы, будь у меня к нему патроны. У нас в городе серьезно вооружен один только Бенджен. Он, по-моему, даже спит со своим «маузером» или что там у него. Дорожит этой хлопушкой... А все остальное оружие только в музей и годится...

– О'кей, – весело сказал я. – Обязательно зайду, как только с делами разберусь. Удачного вам дежурства.

– Подымайтесь по лестнице, – посоветовал напоследок Барт. – Лифт не то чтобы не работает, но застрять может запросто.

– Спасибо, – ответил я, сворачивая на лестницу.

Приемная и кабинет президента Хоулленда занимали целый этаж. Собственно приемная была просторной комнатой с огромными окнами, камином, диванами из красного дерева и натуральной кожи, бронзовыми канделябрами и удивительным образом соседствовавшими со всем этим зеркалами в массивных оправках, подлинниками малых голландцев и современным плоским телевизором, по которому транслировался CNN. В углу наличествовал письменный стол с эппловским компьютером, сделавшим бы честь руководителю любой солидной корпорации. За столом, тем не менее, никто не сидел, и компьютер был выключен. Пол покрывал бурый ковер с длинным ворсом.

Рядом со столом, между двумя пейзажами с бурным морем располагалась варварски роскошная двустворчатая дверь. За такой дверью не зазорно было укрываться какому-нибудь восточному деспоту. Я подошел к ней и осторожно постучал. Из-за двери послышалось негромкое звяканье, и затем снова стало тихо.

Я немного подождал и постучал опять.

– Да входите же, ну! – раздался хриплый голос. Судя по голосу, его обладатель несколько подустал. Я воспользовался предложением, толкнул дверь, переступил порог и оказался в кабинете президента маленькой страны.

Говорят, обстановка личного кабинета может многое сказать о его хозяине, так что я привык обращать пристальное внимание на подобные вещи. Первое, что бросалось в глаза еще в приемной, – это склонность хозяина к кричащей, почти варварской роскоши. И впрямь восточный владыка или коррупционер-нувориш из России или Украины. Мебель была антикварной, вероятно, позапрошлого века, если, конечно, не являлась искусной подделкой. На стенах – все те же голландцы и зеркала. В резном книжном шкафу – книги, сделавшие бы честь любой библиотеке. Бросалась в глаза коллекция микроскопических изданий в 1/16 листа. Кожа, дерево, бронза, позолота... Но на книжных полках скопилась пыль, на столе царил беспорядок, а в воздухе чувствовался неприятный кисловатый запах с ноткой, как ни странно, дешевого алкоголя.

Под стать кабинету был и сам мистер Кохэген. Крупный пожилой мужчина, лет на десять-пятнадцать старше меня, он выглядел такой могучей глыбой. Не тучный, но массивный, крепистый, ростом за шесть футов, с большой, обритой наголо головой и крупными, мясистыми чертами лица. Одет Кохэген был в строгий костюм-тройку, белоснежную рубашку и галстук. Булавка галстука, вероятно, была золотой и поблескивала кроваво-красным камушком. На толстом, мясистом, вызывавшем ассоциацию с плоскогубцами безымянном пальце левой руки виднелась массивная печатка, а на запястье – дорогие часы.

Мужчина был похож на Джека Николсона, растолстевшего до размеров Депардье и наголо бритого. Но черты лица были слегка обрюзгшими – повисшие щеки, неровная линия губ, нос в красных прожилках и мешки под глазами говорили не то о застарелой болезни, не то о чрезмер-

ном пристрастии к алкоголю. На фоне витавшего в воздухе кисловатого запаха второе предположение было более достоверно.

– Кто вы? – с некоторым удивлением спросил Кохэген. – Я, по-моему, вас не знаю... Это очень странно.

– Добрый день. Вы и не можете меня знать, – ответил я. – Я приехал только вчера вечером. Он одобритительно кивнул:

– А, турист... мы это... рады гостям. Но вообще-то вы не по адресу. Туристами занимается *мой* канцлер.

– Я не турист, – пояснил я. – Я хотел бы пожить у вас в городе какое-то время. Возможно, даже продолжительное время.

– Так живите, – в голосе Кохэгена чувствовалось непонятное нетерпение. – Вам что, кто-то мешает?

– Нет, но... – я не спешил покидать помещение. Не каждый день бываешь у президента, пусть и такого гротескного, как Кохэген. – Я же говорю, что, возможно, я перееду в ваше государство на постоянное жительство.

– Ничего не имею против, – буркнул Кохэген.

– ...потому я бы хотел для начала узнать, можно ли как-то получить гражданство Хоулленда, оставаясь при этом гражданином Соединенного Королевства?

Президент посмотрел на меня почти бессмысленным взглядом:

– Э-mmm... честно говоря, не знаю. И вообще, всеми этими вопросами у нас канцлер занимается, мистер Харконен. Подойдите к нему, если он сейчас на месте. Он быстренько уладит все формальности.

Я вежливо поклонился:

– Ну что ж, приятно было познакомиться.

– Ага, – буркнул он. – В смысле мне тоже приятно. И это... Если станете все-таки нашим гражданином, голосуйте за Консервативную партию.

– Почему? – спросил я.

«Потому что это моя партия...» – читалось в его взгляде.

– Потому что мы отстаиваем традиционные ценности, – пояснил он. – Именно благодаря нашей, м-м-м, взвешенной политике страна стабильно существует и развивается уже больше века.

– Хорошо, я подумаю, – эти слова я произнес со всей доступной мне серьезностью. Еще бы, ведь речь шла о деле государственной важности!

После чего покинул кабинет Кохэгена, но из приемной уйти не спешил. Решил проверить одну свою догадку. Догадка оказалась верной – не прошло и минуты, как в кабинете президента что-то звякнуло, словно стекло стукнулось о стекло.

Похоже, мистер Кохэген употребляет прямо на рабочем месте.

– Ну как, все в порядке? – поинтересовался Барт, когда я спустился на первый этаж. – Уладили свои дела?

– Да нет, он послал меня к Харконену, – ответил я, пожимая плечами. – У меня такое впечатление, что он просто хотел побыстрее отделаться от меня.

– Угу, вот это точно, – кивнул Барт и заговорщически подмигнул. – У него и без вас дел хватает.

– Расфасованных в бутылки по две пинты? – решил я проверить свою догадку.

Барт расплылся в улыбке, демонстрируя мне, что стоматология в Хоулленде находится на уровне прошлого века.

– А вы человек внимательный. Так что ж, воспоследует примеру нашего президента? – он кивнул в сторону своей импровизированной караулки размером с фотокабинку в приличном супермаркете.

– Мне, вообще-то, еще надо повидать этого Харконена, – заметил я, принимая, однако, предложение.

– Харконен никуда не денется из Хоулленда, – философски заметил Барт, доставая зеленую пузатую бутылку и сверток коричневой бумаги, пахнувший чем-то вкусным. – А вот добрый бокал вина в обеденный перерыв никому лишним не будет. Тем более это вино того стоит, поверьте мне.

Вино и правда того стоило. Мягкое, почти без вкуса алкоголя, зато с легкой земляничной терпкостью, оно было словно волшебным образом перенесено сюда с солнечных равнин Гаскони или Прованса.

– Не поверите, это наше местное вино, – развеял иллюзию Барт, нарезая широкими ломтиками белый козий сыр и розовую, с мраморными прожилками, ветчину. – Все это натуральное, с фермы моего племянника Микаэля. У парня настоящий талант к сельскому хозяйству, как и у его покойного папы, моего брата. Сам я хозяйствовать на земле не умею, вот и подался в полицию.

Сыр, ветчина и ржаной хлеб были под стать выпитому вину.

– Так вы к нам надолго? – спросил Барт, жуя.

Я вздохнул: похоже, мне часто придется отвечать на этот вопрос:

– Еще не решил, но думаю, что надолго.

– И от чего это зависит?

– От многих вещей. На самом деле я ищу место, где можно в покое пожить пару-тройку лет.

– Достал большой мир? – лукаво подмигнул Барт. – Ну да, там к нам, мелким, не слишком хорошо относятся, хоть и постоянно твердят, что это, мол, совсем не так. Чертовы лицемеры!.. Я вот здесь всю жизнь свою прожил и не жалею. Но многие уезжали, а все равно потом возвращались. А вы там с самого детства жили...

Я не стал ему рассказывать, что, в общем-то, с детства я был вполне нормальным. Мне уже поднадоела эта история.

– Все-таки это очень странно, – повел я рукой. – Целый город маленьких людей. Как такое может быть?

– Штайнер, это который архитектор, говорил, что это из-за проклятия лепреконов, – наклонившись ко мне и округлив глаза, сказал Барт. – Если это так, у Кохэгенов с Харконенами на это проклятие крепкий иммунитет, они в этих краях жили еще до того, как здесь цирк обосновался. И как были дылды, так дылдами и остались. Все очень просто – население городка наполовину потомки цирковых артистов. Старик Кэрриган сам был мелким и трупку собрал из таких же. Он тоже был с приветом, я вам скажу...

Он поднял бокал, предлагая выпить. Мы выпили, и я почувствовал, что мне, пожалуй, хватит.

– А потом, во Вторую мировую к нам много прибыло карликов с континента. Гитлер их считал вырожденками, не достойными жить. Немало нашего брата обратили в дым в фашистских крематориях.

Он с аппетитом откусил от бутерброда, и я последовал его примеру.

– Был у Эйхмана помощник, некий Макс, фамилию вот запомню. Такой же махровый фашист, как и другие. Его после войны пришили во Франции, не то свои, не то из узников кто опознал. Так тот к нашему люду испытывал теплые чувства и многим устраивал побег, а его двоюродный брат из торгового флота переправлял их сюда. Так что в нашем городке собрался

целый интернационал карликов, большинство тут и осели. Оно и понятно – среди своих как-то комфортнее.

Я кивнул и подумал, что почти наверняка тоже осяду здесь. Потому что среди своих действительно комфортнее.

– А почему же у вас правительство высокорослое? – спросил я.

– Потому что у них есть деньги, – без обиняков отрезал Барт. – И они дают работу. В цирке работают немногие. Труппа с обслугой насчитывает около трехсот человек, а население городка почти пятьдесят тысяч. Около трети работают у Кохэгена, примерно столько же у Харконена. Остальные – фермеры, лавочники, транспортники и так далее – тоже связаны либо с первым, либо со вторым. Вот так-то.

У меня появилась мысль, впрочем, весьма еще расплывчатая. Возможно, ее появлению способствовало знакомство с Кохэгом, которого я причислил к категории неприятных типов. Во всяком случае, я за такого точно не голосовал бы. Очевидно, чтобы мысль оформилась до конца, мне стоило познакомиться и с мистером Харконеном лично. Поэтому, поблагодарив гостеприимного Барта, я покинул президентское крыло. Напоследок мы с Бартом покурили на крыльце (при этом автомат он беспечно оставил прислоненным к дверному косяку).

– Так где вы остановились, у Харконена? – спросил он, безмятежно выпуская клубы дыма.

– Нет, в «Дыре», – ответил я.

– Ах, да, я же знаю... Одобряю, – кивнул Барт, вино явно затуманило мозги этому бдительному стражу. – Мэри большая умничка, но тягаться с «Харконен Энтерпрайзес» ей тяжело. Большинство приезжих даже не знают о том, что в городе есть еще одна гостиница. Хорошо, что вы ее поддержите.

Я покачал головой:

– Возможно, Мэри-Сьюзен стоило бы активнее заняться маркетингом? Под лежащий камень, знаете ли...

– Бесполезно. Все приезжающие в город туристы – клиенты «Харконен Энтерпрайзес». Автоматически... Ну, если не все, то процентов восемьдесят. Но Мэри все равно держится.

– У нее приятная гостиница. – Я докурил, а затем достал одну из своих визиток. – Работает только последний телефон. Возьмите, на всякий пожарный.

– Спасибо, док, – Барт впервые использовал это слово по отношению ко мне, а я призадумался. Я немного разбирался в медицине, поскольку биология была одним из направлений моих исследований, и, если мне суждено осесть здесь, почему бы не заняться этим делом? Тем более что один из моих дипломов давал мне право частной практики, правда, только в Великобритании. Но, судя по тому, что Ариэль училась в Лондоне, это в Хоулленде не будет препятствием.

Судя по зубам Барта, с медициной у них в стране как-то не очень – лишний врач, пусть даже такой, как я, не помешает.

По словам Барта, «Роллс-Ройс» принадлежал Кохэгу, а агрессивная BMW – его заклантому партнеру по политическим играм. Но это отнюдь не значило, что Харконен на месте – он мог быть у себя в компании (благо это через дорогу) или еще где угодно, даже дома. Но я твердо решил, что увижусь сегодня с летучим хоуллендцем, и направился сначала к его приемной.

По дороге я имел возможность наблюдать миниатюрного подростка с восточными чертами лица, наклеивавшего на тумбу перед президентской администрацией афишу. На афише, еще пахнувшей свежей типографской краской, подмигивал лепреккон, явно срисованный с моряка Папая, но получивший рыжую бороду венником и зеленый цилиндр с четырехлистником клевера. Текст афиши сообщал, что в связи с выздоровлением мистера Кэрригана цирк возобновляет свою деятельность и сегодня, а также завтра для жителей городка состоятся открытые бенефисы в рамках подготовки к пятничному шоу. Однако, похоже, приезд Ариэль дей-

ствительно поставил ее отца на ноги. Пришедшую вслед за этим мысль о том, что необходимо посетить цирк, я воспринял как нечто само собой разумеющееся.

С мистером Харконеном я столкнулся на крыльце его приемной. Он выглядел куда моложе президента и внешне напоминал Вустера из известного комического сериала. Вот только харизмы, присущей Хью Лори, у него не было напрочь. Хотя сам он, вероятно, был совершенно противоположного мнения. Высокий, тощий и бледно-рыжий, с блеклой веснушчатой кожей и лошадиными зубами, он был одет как типичный метросексуал – в таком изысканном костюме и туфлях не стыдно было бы показаться и на красной дорожке в Каннах. Когда мистер Харконен налетел на меня, он как раз активно общался с кем-то по телефону, причем держал его так, чтобы сразу бросалось в глаза, что это настоящий оригинальный «Верту».

– ...А я тебе говорю, что надо сейчас это сбавить, чтобы потом не иметь проблем. Короче, как я сказал, так и делай и неч... – тут он буквально напоролся на мою скромную персону так, что я с трудом удержался на ногах, а он ненароком завершил свой деловой разговор. – Какого черта!.. в смысле кто вы? Чем могу служить?

– Вы случайно не мистер Харконен? – поинтересовался я.

– Я мистер Харконен, и отнюдь не случайно, – мой собеседник взял себя в руки почти мгновенно, хотя мы буквально столкнулись и даже стукнулись. С другой стороны, он же живет в городе, населенном такими, как я. Мог бы быть повнимательнее. – Вы ко мне? Прошу простить меня за то, что налетел и толкнул вас.

Его манера общения напоминала смерч. Тебя буквально захватывало и начинало кружить, как домик девочки Элли.

– Фокс Райан, – представился я и сразу взял быка за рога: – Намерен поселиться в Хоулленде и хотел бы узнать, можно ли здесь получить второе гражданство?

– Устали от большого мира? – подмигнул Харконен. Вроде бы вопрос был почти тот же, что задал мне Барт, но произнесен он был совсем по-другому. Без сочувствия, почти с издевкой. – Мы рады всем, кто приезжает в наш городок. Конечно, мы можем дать вам второе гражданство. Никаких проблем. Идемте.

Он приобнял меня за плечи и развернул в сторону своей приемной. Мне это не понравилось, но виду я не подал.

– У вас нет при себе двух фотокарточек? – деловито спросил он. – Не беда, я вас сам сфотографирую. Да, учтите, получение паспорта обойдется вам в тысячу фунтов.

– Сколько? – с нескрываемым удивлением уточнил я. Черт, ну и цены у него! – Британский паспорт с доставкой на дом мне обошелся всего в сотню.

– Ну, вы понимаете, – канцлер издал дежурный вздох. – В Британии все оборудование визового центра быстро окупается, а для нашей дыры это поистине огромные деньги. Потому и расценки такие. – Но он тут же перешел на мажорный тон: – Зато паспорт у нас самый современный! Биометрический! С JPS-чипом, чтобы его можно было найти, если вы его потеряете! А главное – вы получите эксклюзивный бланк паспорта, изготовленный в типографии нашего президента из экологически чистых натуральных материалов!

«Ага, а мой старый британский паспорт, выходит, насквозь искусственный и по ночам даже светится...» – саркастически подумал я, поднимаясь вслед за канцлером на второй этаж.

Там Харконен немедленно взял меня в оборот. Он сам сфотографировал меня в профиль, анфас и портретной съемкой. Затем, распечатав при мне упаковку шприцов, сам взял у меня каплю крови из вены, сам же выпустил ее в приемник какого-то футуристического аппарата. После чего, опять-таки лично, сделал фото глазного яблока, снял отпечатки пальцев (понятное дело, моих). Наконец извлек из ящика письменного стола, совершенно неуместного в этом более напоминающем лабораторию помещении, бланк паспорта и сунул его в то самое устройство, куда до этого капал моей кровью. Все это напоминало какой-то магический ритуал. Мне

даже стало несколько не по себе. Сейчас заколдует, засунет в бутылку и запечатает ее на долгие века.

– Мы выносим из своих сокровищниц старое и новое, – сказал он, вводя в компьютер данные из моего британского паспорта. – Соединяем веяния прогресса с давними традициями! Это девиз моей партии, и раз уж вы теперь мой новый соотечественник, я прошу вас проголосовать за меня на предстоящих выборах.

– Я всерьез подумаю об этом, – пообещал я, думая, однако, над тем, есть ли в Хоулленде еще какая-нибудь партия. Отчего-то мне не хотелось отдавать свой голос ни Харконену, ни Кохэгену.

Наконец этот навязчивый, оборотистый канцлер взял меня под локоть и потащил в смежную комнату. Посреди этой комнаты стоял небольшой пюпитр с гербом в виде горшка монет. Из кучи монет торчал четырехлистник клевера. На пюпитре лежала толстая книга в кожаном переплете, скорее всего, Библия. Кстати, пюпитр был слишком высоким для таких людей, как я.

Пока я озирался, канцлер успел извлечь откуда-то паспорт, а также чернильницу с некогда белым пером и маленький пульт и сейчас что-то корябал пером в моем новом удостоверении личности. Наконец, он закончил и ткнул какую-то кнопку на пульте, одновременно убирая чернильницу с пером под крышку пюпитра. При этом я смог обозреть лежавшую поверх пюпитра книгу, действительно оказавшуюся Библией, к тому же, вероятно, старинной. Открыта она была на книге Экклезиаста.

Заиграли «Зеленые рукава».

– Это наш официальный гимн, – заявил Харконен тоном экскурсовода. – А вот это, – он ткнул пультом в рисунок с горшком и клевером, – герб. А вы теперь полноправный гражданин Хоулленда, – добавил он, отдавая мне паспорт. – Поздравляю. Хоулленд – самое лучшее государство на земном шаре.

Вся эта тирада была произнесена тоном, каким говорят экскурсоводы в музеях типа Лувра или Британского музея: «...эта картина принадлежит кисти выдающегося гения эпохи Возрождения...»

– Весьма рад, – ответил я. – И очень впечатлен вашей оперативностью. Вам тысячу сейчас отсчитать?

– Конечно, но если у вас нет с собой таких денег...

Такие деньги у меня с собой оказались, а кроме того, я не хотел оставаться должником такого человека, как этот Харконен.

– Как глава Лейбористской партии Хоулленда, прошу вас на предстоящих выборах президента голосовать за представителя именно нашей партии, – настойчиво повторил он, пожимая мне руку.

– То есть за вас? – уточнил я, глядя ему прямо в глаза. Он ничуть не смутился:

– То есть за меня. Я считаю, что достоин этого поста. Поскольку я искренне болею за будущее Хоулленда и под моим руководством наша страна уверенно сможет ответить на вызовы времени.

Вообще-то у меня уже сложилось определенное мнение о политической жизни Хоулленда. Выражалось оно известной шекспировской цитатой: чума на оба ваших дома. И в своей прошлой жизни я бы просто плюнул на обоих власть имущих субъектов вкупе с их политическими силами. Но в той, прошлой жизни я стал бы гражданином Хоулленда разве что от очень высокой температуры, так как я практически не напиваюсь и не употребляю наркотиков.

Поэтому я принял еще одно неожиданное для себя решение и ответил:

– Собственно, я практически решил так и поступить, но... разрешите мне задать вам несколько нелिцеприятных вопросов?

Харконен расплылся в улыбке. Вот у него с зубами, кстати, было все в полном порядке:

– Все, что угодно! Лейбористской партии в моем лице не за что краснеть перед избирателями.

– Вы ведь уже были президентом, – сказал я.

– Да, три раза, – подтвердил он. – И горд тем, что в мое президентство Хоулленд действительно развивался.

– В каком смысле?

– Ну, я построил «Харконен-центр», закупил для города общественный транспорт, облагородил бульварную часть Тринити-лейн.

– Почему же вас не оставили президентом на следующий срок?

Харконен вздохнул:

– Из-за интриг моего визави. Вы даже не представляете, насколько у нас в стране интенсивная политическая жизнь!

Он снова приобнял меня за плечи, и хоть я и не могу назвать себя воинственным человеком, мне захотелось заехать ему локтем в пах, чтобы освободиться из его дружеских объятий.

– Вот что, – сказал он, и я почувствовал, что его дыхание пахнет перечной мятой, – вы, я вижу, образованный человек. Я был бы рад видеть вас в своей партии. Возможно, у вас огромное политическое будущее...

«Ну да, конечно. В семейном предприятии имени Харконена?» – подумал я, но вслух не ответил, точнее, ответил, но другое:

– Очень лестное предложение. Я обязательно обдумаю его.

Кажется, и здесь речь пошла о делах государственной важности.

– Работа, конечно, на общественных началах, – добавил он, – но, сами понимаете, политическая деятельность открывает огромные возможности...

– Понимаю, – кивнул я, мысленно добавив: «Особенно если у тебя фамилия Кохэген или Харконен».

– Надеюсь, мы сработаемся, – обрадовался он. – Вы в каком номере живете?

– Я остановился в «Дыре», – честно ответил я.

Физиономия Харконена моментально стала кислой.

– Почему? «Дыра» – это же... дыра!

– Эта дыра моему сердцу мила, – непринужденно ответил я. – Не люблю шума, люблю уединение.

– Жаль, очень жаль. ОТЕЛЬ «Харконен-центра» предоставляет сервис высшего разряда!

– Не сомневаюсь, – подмигнул я. – Ну, я пойду, пожалуй.

– Надеюсь, скоро увидимся, – сказал он, энергично трясая мою руку.

Распрощавшись с канцлером, я неожиданно для себя (похоже, это начинает входить у меня в привычку) вернулся в приемную президента. Барт вытаращился на меня, словно увидел свою покойную бабушку на роликах.

– Можете меня поздравить. Я теперь гражданин Хоулленда, – сказал я ему приветливо.

– За такое не грех и выпить. Хотя повод, по правде говоря, сомнительный, – заявил браваый страж.

– Выпьем, но попозже. У меня есть дело к президенту. Он еще не уехал?

– Разве что на почве алкоголя, – ответил Барт. – Сидит у себя, как обычно.

Я поднялся на четвертый этаж и постучал в двери к президенту моей новой родины. Дождавшись разрешения, вошел.

– Опять вы? – удивился мистер Кохэген.

Я кивнул:

– Теперь я ваш потенциальный избиратель, – заявил я, усаживаясь на стул у стола для совещаний. Кстати, в кабинете Кохэгена мебель не была удобной для карликов, его оппонент, впрочем, тоже посетителей моего калибра удобствами не баловал, словно в Хоулленде все

ростом с Майкла Джордана. По-моему, популярности такое небрежение им не прибавляло. – Я немного пообщался с вашим политическим оппонентом и практически решил, что на следующих выборах проголосую за вас.

Улыбка у Кохэгена была неприятной: его большой рот с толстыми губами вызывал лично у меня неаппетитные ассоциации с ротовым отверстием рептилии. Вообще нижняя часть лица президента сильно портила впечатление – безвольный округлый подбородок и повисшие щеки никого не красят.

– Я очень рад, – хрипло сказал он. – Постараюсь не оправдать... эээ... то есть не подвести ваше доверие.

– Скажите, пожалуйста, – я забросил ногу на ногу и скрестил пальцы на коленях. Слишком вальяжная поза, но она была самой удобной, особенно с учетом того, что почти фут отделял мои ноги от пола. – Вот господин Харконен утверждает, что он – двигатель прогресса в Хоулленде...

– Он прожектер и выскочка, – ответил Кохэген с жаром. – Его прогресс – это сплошные беспорядочные метания. Он и понятия не имеет, что такое кропотливый, ежедневный труд на благо!

– Людям нравится прогресс, – заметил я. – В чем же подвох? Почему его три раза выставили из этого кабинета?

– Я ж и говорю: потому что он прожектер! Всякий раз, принимая у него госбюджет, я находил там недостачу. Сомнительные сделки, кредиты, махинации...

– Вы подтверждаете мои мысли, – солидно кивнул я. – Что ж, приятно убедиться, что мы с вами единомышленники. Кстати, Харконен уверен, что я проголосую за него.

Президент коротко хохотнул.

Я спрыгнул со стула:

– Рад был познакомиться, мистер Кохэген. Надеюсь, вам понравится на втором сроке вашего президентства.

Он опять осклабился, а я поспешил ретироваться, чтобы сменить его общество на общество куда более приятного Барта. Думаю, президент не сильно сожалел о моем уходе – у него появился прекрасный повод выпить.

– И каков ваш прогноз на следующие выборы? – с интересом спросил я у Барта, который с удовольствием согласился поделиться со мной не только ланчем, но и ужином. Он убедительно мотивировал это тем, что дочь и невестка затаривают его всякий раз едой так, словно он служит на Северном полюсе и до работы несколько часов добирается на лыжах. Славный парень. Похоже, в этом городе у меня есть уже два друга, и это куда больше, чем я приобрел в той жизни, из которой сбежал.

– А есть какие-то сомнения? – с сарказмом спросил он. – Харконен станет президентом, а Кохэген пять лет будет пить в кабинете канцлера.

– Но почему? Нет, конечно, я понимаю, что так устроено, по большому счету, во всем мире, таков порядок вещей. Но вам не кажется, что в вашем-то государстве могло бы быть как-то по-другому? Маленькое государство, все друг друга знают. Неужели вы не можете договориться и избрать кого-то другого?

Барт посмотрел на меня так, как смотрят на ребенка, задающего совершенно дурацкий, ламерский вопрос.

– Понимаете, док, – принялся объяснять он. – Харконены и Кохэгены жили в Хоулленде издавна, еще до того, как сюда приехал цирк. Именно они и создали этот городок, и здесь у них все схвачено. Половина населения так или иначе работает на Кохэгена – на фабрике, в порту, на электростанции. Половина на Харконена с его турбизнесом. Уйдет Харконен – и не будет туристов, не будет притока капитала в город. Уйдет Кохэген – и выключится свет, перестанет подаваться тепло и вода в дома. Таков здесь, как вы говорите, порядок вещей.

– Почему?

– Потому что так уже было. В восемьдесят шестом мы проголосовали за другого кандидата...

Я наострил ушки.

– ...и тогда Кохэген и Харконен объявили, что сворачивают дела в Хоуленде. На следующее утро фабрика закрылась, рейсовые автобусы встали, а к вечеру отключилась электроцентраль, и город погрузился во тьму. К концу недели выборы были признаны несостоявшимися, и старик... м-м, Бенджен Коннингтон, в смысле, умолял этих деятелей вернуться на свои посты.

Он задумчиво посмотрел на меня и налил нам еще. Я, в общем-то, не хотел пить, но почему-то не отказался.

– Вы не первый приезжий, кто об этом задумывается. Узнав правду, большинство уезжает обратно.

– Правду? Какую правду?

– Что в этой стране никогда ничего не изменится, – жестко сказал он. – Ничего. Никогда.

Он держал свой стакан в руке, но не спешил пить. Молчал и смотрел на меня. Потом спросил:

– Вы тоже уедете?

Я подумал о том, что вообще-то мне все равно, изменится ли здесь что-то или нет. Мне важно, чтобы меня никто не беспокоил и не смотрел на меня... так, как смотрят в большом мире.

А потом подумал об Ариэль. О ее отце. О Мэри-Сьюзен. О Барте. О других людях этого городка. Таких же, как я, и все-таки других.

– Нет, – ответил я. – Я не уеду.

Глава 4. Show must go on

Да, я шут, я циркач, так что же?..

– А когда-то здесь была ратуша, – сказал Барт, провожая меня. – Во второе президентство Харконена ее объявили ветхой, опасной для прохожих и снесли. А на ее месте воздвигли вот это убожество, – Барт жестом указал на «Харконен-центр», возле которого появилось несколько новых автомобилей, в том числе современный английский рейсовый автобус «Даймлер».

– Она действительно была ветхой? – спросил я.

– На ней были часы, – ответил, если это можно так назвать, Барт. – Каждые пятнадцать минут они отбивали склянки. Каждый час играли старинную мелодию «Зеленых рукавов» в колокольном, конечно, исполнении. Музыка моего детства, я мимо этой ратуши ходил в школу и из школы.

Ностальгия как чувство была мне совершенно незнакома. У меня никогда не было тоски, связанной с какими-то воспоминаниями. Возможно, потому, что мое детство, моя юность, моя зрелость были стерильно-белыми, как научная лаборатория? Мой отец был военным врачом, но не из тех, что ампутируют руки и ноги, извлекают под огнем противника осколки мин из кишечника. Его специализацией были отравляющие вещества, радиация, болезнетворные бактерии, которые без вреда для себя переносили транспортировку путем выстрела из пушки в направлении вражеских позиций. Иными словами, ABC⁴. А еще он был убежденным пацифистом и активистом целого ряда движений против применения того, чем профессионально занимался. Моя мать – доктор медицинских наук в области иммунологии. Меня лично физика и астрономия привлекали куда как больше, но химию и биологию я учил, скажем так, во имя своих родителей и со временем, что называется, вошел во вкус...

Нет, опять я не о том. Я просто хотел сказать, что мои родители считали меня вундеркиндом. В семидесятых была мода на вундеркиндов: с ними носились примерно так, как сейчас с пресловутыми детьми индиго. Естественно, что я со своими ста семьюдесятью баллами IQ оказался в числе несомненных вундеркиндов. Это означало приговор, но я об этом не знал.

Мои родители поступили мудро. Они полностью «отключили» меня от сверстников, создав вокруг этакий микрокосм науки и всяческих исследований. Понятия не имею, сколько они затратили на это усилий, но, должно быть, много. В конце концов, я вырос тем, кем вырос. Подобное воспитание могло реально сделать меня аутистом, но, к счастью, не сделало. И все-таки я абсолютно был оторван от жизненных реалий, я совершенно не понимал людей.

По правде говоря, то, что произошло со мной в моей лаборатории, не стало для меня потрясением и шоком. Я тогда испытывал смешанные чувства – не столько переживал утрату своих прежних размеров, сколько испытывал эйфорию от своего неожиданного, но очень эффектного эксперимента. Настоящим шоком была реакция других на мое открытие и особенно на сделанные мною из него выводы.

Тогда-то я понял, что многого не знаю о людях. Вынужденно отстранившись от исследований в интересующих меня областях, я с не меньшим энтузиазмом принялся изучать мир людей.

Откровенно говоря, он мне не очень понравился.

⁴ Войска ABC (от нач. букв лат. слов Atom, Biolog, Chemik) – специальный род войск стран НАТО, предназначенный для организации защиты личного состава соединений и частей от оружия массового поражения и ликвидации последствий его применения.

– О чем задумались, док? – спросил Барт, внимательно глядя на меня. Кажется, на этот раз алкоголь не произвел на него туманящего действия.

– О том, что ничего нельзя вернуть назад, – вздохнул я. – Например, вашу ратушу. Даже если построить такую же, это будет уже не то. А жаль.

– Жаль, – кивнул он, а затем опять разулыбался. – Да ну ее в болото! Честно говоря, меня порой от «Зеленых рукавов» тошнит.

Он толкнул меня локтем в бок.

– Не грустите, вам это не идет. Знаете что? Сходите-ка лучше вечером в цирк. Там сегодня бенефис для граждан страны, то бишь бесплатно. Мы с моей Лизой внучку туда поведем. Так-то цена на билеты кусается, они ж у Харконена продаются, а тут вход свободный. Ну, так как?

Вообще-то я обещал Ариэль, что приду в цирк при первой же возможности... или как-то так. С другой стороны, я в цирке никогда не был и не был уверен, что мне там будет интересно, судя по тому, что я знал об этом искусстве. С третьей стороны, черт побери, а почему бы и нет?

– Схожу, пожалуй, – кивнул я. – А пока пойду-ка я домой.

– Точно пойдете? – зачем-то уточнил он.

– Клянусь святым Патриком, – улыбнулся я. – Ну, бывайте, дружище.

– И это... заходите в гости, – ответил он. – Можно запросто домой, я живу на Хилл-стрит, это рядом с Гробом. Дом пятьдесят шесть, вход со стороны моря. Если заблудитесь, Барта О'Хиггинса там каждая собака знает.

– Непременно зайду, – пообещал я. – Рад был познакомиться, Барт.

– Я тоже, док.

Я уточнил у афиши время начала представления – девятнадцать часов. Сейчас на снесенной ратуше куранты вполне могли бы отбить шестнадцать, так что у меня оставалось еще два часа времени, с учетом того, что я решил прийти заранее. Я вернулся назад по Тринити-лейн, аккуратно к заветному переулку с совершенно неуместным здесь секс-шопом. Подумал и зашел в любимое кафе Ариэль. Мой организм жаждал крепкого кофе, поскольку выпитое с Бартом давало о себе знать. А мне вовсе не хотелось появляться в цирке «под мухой». Я подумал, что пьяный карлик – это то еще зрелище. И цирка не надо...

Я взял большую чашку эспresso и присел за добротный деревянный столик, который в прошлой жизни вполне мог служить мне табуретом. К моему удивлению, свободных мест в кафе почти не было, поскольку, как я понял из разговоров посетителей, только что закончилась смена в «Гробу». Похоже, по-другому кохэгеновское заведение в городе никто не называл. Спешить мне было некуда: я неторопливо прихлебывал горячий кофе, курил и наблюдал за окружающими.

Высоких людей среди них не было вовсе, все примерно моего роста. Только некоторые имели другие признаки карликовости – искаженные пропорции головы и тела, например. Большинство, насколько я мог судить, были сложены вполне пропорционально. Возможно, мое восприятие тоже изменилось с уменьшением роста, но я не видел в них ничего гротескного и отвратительного. Люди как люди, такие же, как везде, только меньше раза в полтора-два, вот и все.

Вообще говоря, расположение духа сейчас у меня было самое благостное. Я чувствовал странное умиротворение. Казалось бы, моя жизнь вдребезги разбилась о рифы мира, и уцелевшие обломки теперь дрейфуют без руля и без ветрил в непонятном пока направлении. Но при этом путешествие – пока, по крайней мере, – получается на удивление приятным. Было ли это затишьем перед бурей, я не могу сказать даже сейчас. А тогда я тем более об этом не думал.

Тем временем к моему столику прибилась некая особа. Обратил я на нее внимание только тогда, когда она, деликатно прокашлявшись, уточнила у меня, можно ли присесть за мой столик.

– Если вас не смущает, что я курю, садитесь, – благодушно согласился я.

Вероятно, ее это не смущало, равно как и размеры столика, который для нее был, пожалуй, маловат. Она была на голову выше всех в кафе, вероятно, пять с лишком футов. Худая, даже, можно сказать, тощая женщина лет тридцати или чуть больше того, с волосами цвета половой мастики, бледно-голубыми глазами и тонкими губами. Не сказать, что красивая, но ее можно было смело назвать привлекательной. В ней, несмотря на бледность, чувствовалась южная кровь, что-то восточносредиземноморское. Но говорила она с тем же, только более сильным, акцентом, что и Мэри-Сьюзен.

– А вы ко мне утром заходили, – заявила она, приступая к своей сытной трапезе из двух сосисок, яичницы и порции картошки-фри. – Меня зовут Барбара, я тоже квартируюсь у Мэри-Сью.

– Очень приятно, – ответил я. – А я Фокс, Фокс Райан.

– Уже знаю. Думаю, что уже полгородка знает. При всех своих достоинствах Мэри совершенно не умеет хранить чужие секреты.

Она наколола сосиску на вилку, обмакнула ее в кетчуп и откусила. При этом я поймал себя на мысли, что все ее действия были какими-то возбуждающе-живыми, словно наполненными животным магнетизмом.

– И каково это – стать таким? – спросила она. – Простите за любопытство, конечно...

– Относительно безболезненно, – ответил я. – Правда, приходится заново учиться ходить. И не только ходить. Например, и есть.

– Потрясающе, – заметила она, жуя. Подобное поведение меня всегда раздражало, но в случае с Барбарой раздражения почему-то не возникло. – Я б с ума сошла, наверно. Даже не представляю, каково это...

Она доела свою многострадальную сосиску и поставила острые локти на столешницу, подперев голову:

– А может, и не сошла бы. Мне в жизни всякое пришлось повидать. Нет, наверно, не сошла бы.

И деловито принялась за вторую сосиску.

– А вы местная? – решился спросить я.

Она отрицательно качнула головой:

– Не-а. Вы не поверите, я из Солт-Лейк-Сити.

Я невольно присвистнул, чего со мной ранее никогда не случалось:

– И как вас сюда занесло?

– Когда-то Мэри-Сью довольно много и подробно рассказывала мне о Хоулленде, городе, населенном такими же, как она. Мэри – моя старая подруга. То есть не старая, конечно, а давнишняя. И когда она свернула удочки и уехала домой, я через пару месяцев тоже решила плюнуть на все и поискать это карликовое Эльдorado. Кое-какие сбережения, пусть и не великие, у меня водились. Я закруглила все свои дела, быстренько собралась и оказалась здесь. – Предвосхищая следующий вопрос, она поспешила объяснить: – Заведение через дорогу принадлежит мне.

Я изумленно уставился на нее.

– Но почему вы решили заняться именно этим бизнесом?

– Потому, что я его купила, – недоуменно сказала она.

– Нет, почему именно секс-шоп?

– А почему бы и нет? Какая разница, – ответила она. – В маленьких патриархальных городах страсти кипят ничуть не меньшие, чем в мегаполисах, просто местные жители при-

выкли закрывать духовку, чтобы соседям не было видно, что у них варится в горшочке. Плюс к тому туристы.

Она споро расправилась и со второй сосиской, словно боялась, что ее украдут. Теперь настала очередь яичницы и картошки.

– Каждый божий день ко мне вваливается гогочущая толпа. Они отпускают одни и те же шуточки и остроты. В основном по поводу сравнения размеров моего товара с ростом среднестатистического горожанина. Все это довольно убого, но каждое такое посещение пополняет мой карман парой сотен портретов сэра Чарльза Ламеля⁵. При этом покупают они то, что можно купить в интернете за десятую часть от этой суммы. Причем делают это не смущаясь, как монахини-кармелитки, и не торгуясь за каждый пенни. Мне кажется, это довольно неплохой бизнес.

Я вынужден был с ней согласиться.

До конца трапезы Барбара успела посетовать на свое вынужденное безделье из-за простоя цирка:

– Кто бы мог подумать, что почти весь городской бизнес завязан на то, будет работать цирк или нет, – говорила она, поедая картошку, – и при этом персонал цирка – едва ли не самые бедные люди в городе. Вы ведь там еще не были?

– Сегодня как раз собираюсь пойти, – сообщил я. – У них вроде вечером бенефисное представление.

Барбара даже в ладоши захлопала:

– Ура! Значит, старик Блейк пошел на поправку.

– Ну, не такой уж он старик, – хмуро буркнул я. Насколько я знал, Блейк был ненамного старше меня.

– Какая разница? Старик не старик, но это же значит, что скоро в город опять потянутся туристы. Вот и дела наладятся.

Она тщательно подобрала тостом остатки кетчупа. Аппетит у Барбары был просто зверский.

Она, видно, заметила, что я за ней наблюдаю, и торопливо сказала:

– Вообще-то я сижу на диете. Вот только сейчас не выдержала и сорвалась.

Я понимающе улыбнулся.

– Не ждите только увидеть здесь что-то вроде Цирка дю Солей в Кодаке, – предупредила она. – То есть артисты, может, и не хуже, даже лучше, на мой взгляд, но само здание – отнюдь не «Истмен Кодак».

Я в цирке не был ни разу, насколько я помню, потому все вышеупомянутые названия мне ни о чем не говорили.

– Я пойду, – сказала она, вставая. – Спасибо за компанию. Черт побери, придется заняться уборкой. Ненавижу убираться, если честно. Думаю, увидимся у Мэри. Приятно было познакомиться.

– О'кей, – сказал я. – Мне тоже приятно. Итак, до встречи.

– До встречи, – сказала она и буквально упорхнула. А я подумал, что только что поговорил с той самой «акулой», которая лишила Ариэль ее бесплатной библиотеки. И акула показала мне не такой уж и кровожадной.

Мое представление о цирке, признаюсь, было довольно убогим и основывалось не на личном опыте, а на смутных ассоциациях. При слове «цирк» мне представлялись гротескные звуки духового оркестра, аляповатые воздушные шары и дрессированные собачки с банти-

⁵ Купюра в сто ирландских фунтов.

ками. Да еще кривляющиеся дураковатые клоуны. Поэтому то, что я увидел, вызвало у меня когнитивный диссонанс.

Все началось в тот момент, когда я вышел на площадь перед цирком. Точнее, это была не совсем площадь, а просто обширное открытое пространство с полупустой автостоянкой с одной стороны и захудалым стеклянным павильоном непонятного назначения, похожим на провинциальную автостанцию, с другой. Здание цирка массивно и грозно нависало над всем этим.

Я не ошибся, это действительно был брох, причем очень древний. Меня сразу же удивило, как этим крепостным зданием еще не заинтересовались археологи и историки – сохранившиеся в относительно целом виде брохи можно и в Шотландии-то по пальцам пересчитать. К тому же все они относятся уже к первому тысячелетию нашей эры. Этот, хоть я и не археолог и не историк, был, на мой взгляд, гораздо древнее.

В любом случае устраивать цирк в брохе – все равно что организовать ночной клуб с дискотеккой в пирамиде фараона. И тем не менее именно над сложенными из довольно больших, в полметра высотой, тесаных камней стенами возносился цирковой шатер. Он был латаный-перелатанный, выцветший и потемневший от времени, а намалеванные на нем лица, возможно, клоунов превратились в пугающие темные пятна, лишь отдаленно имеющие сходство с человеческим лицом.

Как ни странно, все это в целом – древние стены, шатер над ними – не произвело на меня гнетущего впечатления. Скорее наоборот – я ощутил какую-то странную эйфорию, почувствовал предвкушение чего-то хорошего. Непонятно даже, откуда оно взялось. Пришел я заранее, потому какое-то время прослонулся вокруг броха, предварительно убедившись, что двери, ведущие внутрь, накрепко закрыты. Площадь была безлюдной, я оказался единственной «ранней пташкой».

Пользуясь наличием свободного времени, я решил обойти брох кругом. За зданием зеленела небольшая роща, или скорее одичавший парк – кое-где виднелись фонари и замшелые лавочки, но было видно, что расчисткой аллей и благоустройством этой территории никто не занимается. Парк отделял брох от окружающих размежеванных полей. С тыльной стороны сооружения обнаружилась еще одна заасфальтированная площадка, на которой, вероятно, доживали свои дни пожилой американский грузовик и не менее ветхий джип «Додж», возможно, именно тот, что упоминала Ариэль. Здесь же я обнаружил первых, не считая кружащихся над головой стремительных ласточек и орущую в парке птичью мелочь, живых существ.

Крупный широкоплечий мужчина сидел на ящике спиной ко мне и, по-видимому, обедал. Рядом с ним крутился лохматый рыжий пес, возможно, имевший в предках волкодава. Мне показалось, что именно эта псина встречала вчера Ариэль у ее дома. Пес активно подметал асфальт хвостом и выклянчивал у мужчины еду, которой тот охотно делился с ним. Видно было, что у них добрые, приятельские отношения. Я не стал им мешать, просто посмотрел и обошел стороной.

Когда я вернулся ко входу в цирк, на площади уже появились люди, а двери в цирк были гостеприимно распахнуты. Рядом с ними я узрел ветхозаветную деревянную будку, опознанную мной как билетная касса. Я направился к ней и выяснил, что билеты покупать не надо, так как выступление сегодня бенефисное. Вкупе с этим мне радушно пожелали доброго вечера, хорошо отдохнуть, выразили надежду, что представление мне понравится, и дважды обозвали доком, что свидетельствовало о том, что весть о моем появлении в городе достигла и цирка.

Я поблагодарил пожилую билетершу за теплый прием и осведомился об Ариэль и ее отце.

– Блейк еще неважно себя чувствует, сегодня на выступлении его не будет, – ответила та. – А Ариэль обещала быть. Сказала, что очень по всем нам соскучилась. И то правда, ее долго здесь не было.

Когда она это говорила, я чувствовал себя как-то странно. И хорошо, и вместе с тем тревожно. Хочу ли я сейчас видеть Ариэль? Определенно да, но почему-то опасаясь нашей встречи. Неожиданно я вспомнил историю известного экономиста Джона Стюарта Милля. Умнейший, а по некоторым оценкам, самый умный человек своей эпохи, он, как и я, воспитывался дома, в мире чистой науки, и едва не покончил жизнь самоубийством, столкнувшись с жизненными реалиями. Когда я читал его биографию (в краткий, но бурный период моего увлечения экономикой), это меня поразило. Тогда я думал, что, хоть судьбы наши очень похожи, я все же избежал подобного потрясения. Я искренне считал, что вполне адекватно социализировался, но под сводами обращенного в цирк старинного броха вдруг впервые усомнился в этом.

И тем не менее я нормально общался с другими людьми – с Бартом, Мэри и Барбарой, не говоря уж о президенте и канцлере, но избегал при этом даже мысли об Ариэль. Внезапно я понял, что боюсь вновь встретиться с ней, и это стало для меня шокирующим открытием, настолько шокирующим, что я совершенно забыл обо всем, что меня окружает, и встал как вкопанный. Боюсь? Боюсь встречи с этой очаровательной девушкой? Почему это вдруг?

Никакого внятного ответа у меня не было. Ариэль была мне симпатична, она казалась мне интересным человеком и весьма привлекательной женщиной, а время, проведенное в ее обществе вчера, не только было приятным, но и несколько успокоило мои душевные терзания. Я ведь только внешне был спокоен. Что и говорить, трудно сохранять душевное равновесие, когда вся твоя жизнь, все твое прошлое рухнуло, как карточный домик от порыва сквозняка, а впереди тебя ждет неизвестно что. Пообщавшись же с Ариэль, я словно обрел твердую почву под ногами.

Неизвестно, сколько бы я еще пребывал в этих мучительных размышлениях, если бы на меня не налетели. И налетели, надо сказать, довольно капитально, так, что сшибли с ног и я буквально покатился по полу. Ну и городок! Все время норовят сбить с ног, а с виду все такие мирные. Не успел я подняться и несколько прийти в себя, как услышал две взаимоисключающие фразы, сказанные, как бы безумно это ни звучало, практически одновременно одним и тем же голосом:

- Какого черта ты растопырился посреди дороги?
- Простите ради бога, я совершенно не хотела вас толкнуть.

Встав на ноги и отряхиваясь, я, наконец, смог увидеть того, или, вернее, тех, кто меня сшиб. Судьбе было угодно устроить мне маленькую проверку на мою собственную толерантность: передо мной стояли сиамские близнецы. Это были две миловидные, довольно крупные девушки, сросшиеся спинами. Они были одеты в трико с четырьмя рукавами и длинную юбку до колен. Верхняя часть трико открывала сросшиеся плечи, и это зрелище инстинктивно, помимо воли вызывало неприятие. У меня мгновенно промелькнула мысль, что, если бы не это обстоятельство, они были бы вполне симпатичными девушками. В последнее время я много думал о природе человеческого отношения к «не таким» людям, конечно, в свете своей личной трагедии. Теперь я воочию видел другую трагедию, отличную от моей, и никак не мог побороть в себе не то чтобы отвращение, скорее какую-то инстинктивную неприязнь. То, что на меня, должно быть, смотрят с таким же чувством, при этом ничуть не помогало.

– Извините меня, пожалуйста, – сказал я. – Я не нарочно. Меня зовут Фокс, Фокс Райан, я новенький в городе.

- Ух ты, тот самый док! – сказала одна из девушек.
- Ну и что? – ответила другая. – Подумаешь, не Дэвид Копперфильд же.

Голоса у них были совершенно одинаковые, к тому же говорили они странно – первая начинала отвечать второй еще до того, как та заканчивала фразу.

– Меня зовут Одиль, – сказала более приветливая, протягивая мне руку. – Одиль ла Марш, я родом из Франции.

– Одиль, не кокетничай, – тут же одернула ее вторая. – И потом с каких это пор Эко-Бей находится во Франции? Я всегда думала, что родилась в провинции Северные Территории в Канаде. У тебя, похоже, другая информация?

Но руку она мне тоже протянула.

– Одетт ла Марш, – представилась она. – Работаю конференсье и имею несчастье быть сестрой этой cocotte.

– Одетт! – немедленно возмутилась сестра. – Как ты можешь говорить подобное совершенно незнакомому человеку! Он про нас может такое подумать!

– Не про нас, а про тебя, – спокойно ответила та. – И пусть думает что угодно. А я вижу, что у тебя глазки уже загорелись, как только ты его увидела. Откуда я знаю, может, ты специально его толкнула! Чтобы привлечь внимание к своей потрясающей особе.

– Ну Оде-ее-тт! – взмолилась Одиль. – Перестань уже, пожалуйста. Вы нас простите, – обратилась она ко мне. – Одетт просто мне завидует, и...

– Я?! Завидую? – возмущенно возопила ее вторая половина. – Я тебе завидую? Да я тебе сейчас...

– Я, пожалуй, пойду, – решил я вставить в эту перепалку свои пять копеек. – Не хочу мешать вашему общению. Весьма рад знакомству.

– Взаимно, – ответила Одиль, сбившись с ритма своего возмущения.

– Мы тоже очень, очень рады, – добавила Одетта практически одновременно с ней. – И кстати, нам с Одиль пора бежать, представление начнется через десять минут.

– Через пятнадцать, – педантично поправила Одетта сестру. – Но, в общем-то, она права, нам пора. Надеюсь, вам понравится у нас. Оревуар.

– Оревуар, – несколько ошарашенно сказал я и пошел в ту сторону, куда шел до этого, а близнецы довольно слаженно умчались. Это была сложная, но не лишенная даже некой грации симфония движения. Я бы назвал ее «два в одном».

Я неторопливо пошел по чреву броха. Внутри этого реликтового сооружения была вторая стена, шедшая параллельно внешней. Пространство между стенами было перегородено легкими стенками, вероятно, деревянными, и, как я узнал впоследствии, разделено на большое число помещений, где и находились все службы цирка. Непосредственно за второй стеной находился зрительный зал с круглой ареной по центру. Вот это пространство и накрывал старенький цирковой шатер. Изнутри он выглядел не менее ветхим и выдавшим виды, чем снаружи. Вокруг арены уступами поднимались зрительские ряды, при ближайшем рассмотрении я заметил, что сделаны они из бетона с деревянными накладками сидений. Сделали их явно очень давно, не менее полувека назад. Между секторами зрительских рядов имелись довольно широкие проходы, в которых в данный момент скапливались зрители. Со мной то и дело здоровались незнакомые мне люди. Я заметил Мэри-Сьюзен в компании Барбары и поискал глазами Барта, но того нигде не было видно. Большинство людей были одного со мной роста, но почти все рыжие. Людей нормальных размеров было не больше дюжины, если считать Барбару, и каждый из них заметно выделялся в низкорослой толпе.

Я решил не занимать места до начала представления. Но в любом случае я не успел бы: прежде чем мне удалось сориентироваться, на меня налетел рыжеволосый шквал по имени Ариэль:

– Вы пришли! Как это хорошо! А я уже собиралась вам звонить. Как вам наш город? Как «Дыра»?

– Уф, – сказал я. – Здравствуйте, Ариэль. Рад вас видеть. Можете меня поздравить – я теперь полноправный гражданин этого государства.

– Ух ты! – сегодня Ариэль была какая-то более бойкая, более эмоциональная, чем вчера. Ее глаза блестели, движения были порывисты и вместе с тем грациозны. И это ей очень шло. – А вы, оказывается, быстрый! Рассказывайте, как все прошло!

– А я успею? – я покосился на огромные часы, висящие над проходом, ведущим на манеж. Часы выглядели так, словно их украли с какого-то вокзала, и я, грешным делом, даже подумал, не те ли это самые часы с ратуши, о которой мне рассказывал Барт.

– Ой, действительно!.. Представление вот-вот начнется, – спохватилась Ариэль. – Идемте, займем места, а новости вы мне расскажете после.

Я позволил ей вести меня, справедливо полагая, что она-то наверняка лучше разбирается, где сесть поудобнее.

– Только не ждите от сегодняшнего представления слишком многого, – предупредила она. – Это фактически только репетиция, для своих.

Откровенно говоря, я не ждал ничего вообще, а мысли мои были сосредоточены не на представлении, а на Ариэль. Почему в ее обществе мне так комфортно? А главное, почему я тогда так старательно его избегаю?

Мысль о том, что я могу испытывать к этой девушке какие-то чувства, мне в голову не приходила. Ариэль была почти вдвое моложе меня. Я чувствовал себя рядом с ней таким почтенным старцем. Но все-таки что-то нас связывало, какое-то беспричинное, но отчетливое взаимопонимание, хотя мой мир, мир, в котором я жил до этого, был далек от ее мира, как Луна от Земли.

Мы едва успели занять места, как оркестр заиграл все те же неизменные «Зеленые рукава» и свет в зале стал меркнуть, но не плавно, как в кинотеатрах, а поэтапно, словно источники света гасли один за другим. Потом вспыхнули прожектора, и представление началось.

Повторяю, я ничего не ждал от этого представления, поэтому был по-настоящему поражен. Никаких клоунов и дрессированных собачек с бантиками – передо мной было театральное действо, лишь изредка замедлявшее темп для комментариев, которые в своем довольно-таки сумбурном стиле давали Одиль с Одеттой. Так, в самом начале действия Одиль заявила, что многоуважаемая публика попала в заколдованную страну лепреконов и вскоре своими глазами увидит ее волшебный мир. При этом Одетт не без яда заметила сестре, что представление идет для своих, так что пафос здесь совершенно неуместен. Возражения Одиль заглушила музыка, возвестившая начало представления, после которого от манежа уже невозможно было отвести взгляд.

Здесь была воздушная акробатика, подобной которой я никогда не видел – казалось, артисты этого цирка овладели таинством левитации. Была и силовая акробатика, притом довольно необычная – главным действующим лицом в номере был еще один мой давешний знакомый, тот самый, что на заднем дворе цирка кормил рыжего пса. Человек этот, к моему изумлению, оказался «самой сильной в мире бородатой женщиной», и если бы не приличных размеров грудь, я был бы стопроцентно уверен, что передо мной мужчина. Для себя я решил, что имею дело с гермафродитом.

«Бородатый женщина», как я окрестил его про себя, бугрясь мышцами, легко удерживал на плечах двенадцать циркачей. Кроме того, двумя из них – молодым парнем, естественно, карликом, и его столь же миниатюрной миловидной подружкой – он даже легко жонглировал, но те, будучи воздушными гимнастами, не проявляли при этом ни малейшего беспокойства. Это совсем не походило на вульгарное «метание карликов», кое порой практикуют в низкопробных пабах Соединенного Королевства и в Австралии. Здесь же это было элегантное цирковое искусство, радующее глаз и заставляющее восхищаться человеческой ловкостью и бесстрашием.

Был здесь и канатоходец, маленький стройный мужчина с восточной внешностью: на его шесте, пока он пересекал арену по канату, натянутому в пятидесяти футах над ней, совершали немислимые кульбиты два карлика, кажется, те же самые, которыми до того жонглировал бородатый женщина.

Труппа, очевидно, была невелика – на арене то и дело появлялись знакомые лица. Например, бородатый женщина выходил на арену четыре раза – с силовыми акробатами, с уже знакомым мне рыжим псом, который выделял разные смешные трюки, с набором штанг и гирь внушительного размера, а потом с еще одним карликом, тоже обладателем внушительной, почти до пола, бороды. Они спорили, кто из них сильнее – подымали казавшиеся огромными, особенно в сравнении с бородатым карликом, штанги, жонглировали гирями, а в конце номера карлик разозлился, схватил бородатого женщину в охапку и под аплодисменты зрителей унес за кулисы.

Клоунов на арене не было, но представление оказалось веселым само по себе. Взрывы хохота вызывали и бородатый женщина с ее, то есть его, соперником-карликом, и вечная беззлобная перепалка Одетт и Одиль, и многое другое. Но этот смех не разрушал, а лишь дополнял общую атмосферу завораживающей красоты. Не разрушали ее и пугающие моменты вроде выступления женщины-огнеглотательницы, которая к тому же появилась в компании весьма флегматичной, но обладающей вполне различным капюшоном королевской кобры, или фокусника, оказавшегося уже знакомым воздушным акробатом, тем самым, которым жонглировал бородатый женщина. Фокусник с завязанными глазами метал в свою бессменную ассистентку ножи, между прочим, разрезав яблоко пополам на ее макушке. А затем запер девушку в ящик и пронзил его шпагами насквозь, после чего выпустил оттуда свою даму живой и невредимой. Возможно, меня бы все это не особо впечатлило, если бы я видел другие цирковые представления, но это действие повергло меня в замешательство. Все казалось таким реалистичным и настоящим – раздувавшая плащ кобра в любой момент могла броситься на свою напарницу и ужалить ее, шпаги brutally протыкали ящик с живой и симпатичной девушкой, при этом из ящика один раз даже донесся вскрик ассистентки...

Умом я понимал, что это не больше чем искусные трюки и хорошо замаскированная техника. Что у кобры, вероятно, вырваны зубы, под ящиком на арене находится люк, куда девушка прячется от протыкающих шпаг и сабель. Но во время представления я внезапно ощутил, что, кроме логического восприятия, есть еще и эмоциональное. Я не сдерживал его, хотя раньше все мои эмоции постоянно занимали место где-то на заброшенных антресолях моей личности. И поэтому разворачивающееся представление доставляло мне настоящее удовольствие. Я понял, что быть благодарным зрителем – это тоже своего рода искусство.

В какой-то миг я посмотрел на окружающих меня зрителей и увидел, что все они, даже включая Ариэль, которая жила в этом мире с детства, заморожены не меньше моего. Их глаза, их мысли и чувства были прикованы к происходящему на арене. И я понял, почему цирк лепреконов пользуется такой неизменной популярностью. Точнее, не понял, а начал понимать. Понял я это уже позднее.

Пока длилось представление, Ариэль со мной практически не разговаривала. Возможно, потому, что не хотела отвлекать, а может быть, из-за того, что и сама полностью была увлечена происходившим. Я же нет-нет да и посматривал на нее. Она подалась вперед, как будто хотела присоединиться к происходящему на арене действу. И это можно было понять: яркое зрелище на манеже заставляло полностью забыть все, всю окружающую реальность. Древний брох с раскинутым над ним вместо крыши цирковым шатром и вправду стал сказочным королевством фантастических лепреконов, с их собственной маленькой и необыкновенно грациозной жизнью.

Финал представления был не менее феерическим. Зал на мгновение погрузился во тьму. Затем арена озарилась тревожно-красным светом, и на нее вышел огромный угольно-черный конь. На его спине грациозно покачивалась девушка-карлик, казавшаяся на фоне животного просто крошечной. Она была одета в телесного цвета трико, и казалось, что это лесная нимфа, бесстрашно оседлавшая дикого скакуна. Но огромный, мощный зверь покорно повиновался приказам маленькой нимфы.

Это была очень необычная джигитовка, сочетавшая в себе элементы акробатики и воздушной гимнастики. Всадница то и дело словно воспаряла над мчащимся по кругу конем – зал замирал, – но всякий раз она оказывалась в седле. Она буквально танцевала на крупе коня, и весь зал затаив дыхание следил за этим рискованным танцем.

А потом случилось несчастье.

Я, в общем-то, даже не понял, что именно произошло. В такие минуты действуешь не рассуждая. Несколько мгновений попросту выпали из моей памяти, и первое, что я помню, – это униформисты, с трудом сдерживающие вставшего на дыбы коня, и я сам, склонившийся над сброшенной им наездницей. Девушка была в сознании и испуганно глядела на меня – она не могла пошевелиться, не чувствовала своего тела.

Не теряя времени, я осторожно перевернул ее на бок. До этого дня я не оказывал никому первой помощи, но уроки отца, кажется, прошли не даром. Полагаясь на интуицию и на внезапно всплывшие в памяти знания, о которых я и не подозревал, я определил, что кости наездницы не повреждены, переломов нет. Вероятнее всего, у нее была сильная контузия, и я уделил какое-то время на то, чтобы установить, нет ли у девушки внутренних травм, разрывов и тому подобного. К счастью, похоже, эта миниатюрная циркачка родилась в сорочке: и с этим тоже все было в порядке. Мне оставалось только вывести ее из состояния шока, что я и проделал, попросив у Ариэль булавку. Этой булавкой я уколол девушку в нужной точке, и она, вскрикнув от боли, инстинктивно взмахнула руками и села.

В зале бурно зааплодировали, и я не сразу понял, что аплодируют мне. Когда до меня дошло, что аплодисменты предназначены действительно мне, я удивился и смутился. Я же ничего ровным счетом не сделал! Элементарная первая помощь. Но публика уже высыпала на манеж и сгрудилась вокруг меня. Среди множества незнакомых лиц я увидел сияющего Барта с симпатичной рыжей малышкой, бородатого женщину, Одетт с Одиль и, конечно же, Ариэль, которая была совсем-совсем рядом и деловито помогала приходящей в себя девушке-наезднице.

– Эй, не напирайте! Дайте пройти! – рявкнула Одетт, и зрители поспешили расступиться, но до этого я успел пожать с дюжину рук, а мое плечо уже побаливало от дружеских похлопываний.

– Это наш новый земляк, – гордо заявила Одиль, – доктор медицины Фокс...

– Райан, – подсказала Одетт. – И вовсе он не доктор медицины.

Но Одиль не обратила никакого внимания на слова сестры:

– И вы все видели, как он вернул к жизни нашу дорогую Женевьеву!

– В общем-то, ничего особого я не сделал, – попытался возразить я, но, похоже, это тоже никого не интересовало. Люди вновь стали хватать меня за руку, поздравлять (вероятно, с получением гражданства), говорить комплименты... Я, откровенно говоря, растерялся – совершенно не привык быть в центре внимания, по крайней мере, такого бурного и даже несколько экзальтированного.

На помощь мне пришла Ариэль:

– Нам с доктором надо провести Женевьеву за кулисы, – сказала она. – Я сожалею, что представление окончилось так грустно...

Ее со всех сторон тут же стали ободрять, а я тем временем воспользовался паузой и повел Женевьеву к выходу. Ариэль следовала за мной с одной стороны, с другой семенили Одиль с Одетт. Все-таки передвигались они довольно ловко. Это казалось мне очень странным. Ведь большинство живущих сиамских близнецов вообще не могут ходить. А тут такой феномен, да еще в цирке! Их компания кое-как ограждала меня от назойливого внимания восторженной публики.

За кулисами открылся темный коридор, протянувшийся меж старинных толстых стен броха. Он вел напрямик в служебные помещения цирка. Эти помещения были оборудо-

ваны, конечно же, значительно позже, чем построено само сооружение, но им все равно было довольно много лет, и выглядели они очень ветхими. В отличие от зрительного зала, тут никто даже и не пытался маскировать нищету и убогость, о которых буквально свидетельствовали и стены с растрескавшейся и обвалившейся штукатуркой, и шербокие каменные полы, и прибитая кое-как старинная проводка, и допотопные бра...

Мы провели Женевьеву в кабинет директора, ничуть не выделявшийся ни убранством, ни ремонтом, и усадили ее на кожаный диван, вероятно, заставший еще времена, когда сэр Уинстон Черчилль бегал в коротких штанишках. Там я еще раз осмотрел девушку, руководствуясь своими весьма умеренными медицинскими познаниями. Я боялся так называемых отсроченных травм, незаметных при беглом первичном осмотре и не ощущаемых самим пострадавшим из-за состояния аффекта. Но, к счастью, кроме сотрясения мозга, ничего серьезного не обнаружилось. Тем не менее я предписал девушке обязательный визит к настоящему хирургу.

Пока я был занят, наша компания пополнилась еще одним человеком. Когда я закончил осмотр, он, хромя, подошел ко мне и крепко пожал руку. Увидев его, я сразу же понял, с кем имею дело. Его лицо, несмотря на присущую ему мужественность, имело слишком большое сходство с Ариэль, чтобы он мог быть кем-то, кроме Блейка Кэрригана, директора цирка лепреконов.

– Спасибо, – проникновенно сказал он. – Очень приятно познакомиться с вами, доктор. Я Блейк Кэрриган.

– Взаимно, мне тоже очень приятно, – ответил я, глядя на него. Ростом он был с меня, только чуть сутулился. – Но вы зря меня хвалите. Я почти ничего не сделал, просто эта девушка родилась в сорочке. Кроме того, ей необходимо обследоваться у настоящего врача. У меня нет необходимой медицинской квалификации, поэтому я вполне могу...

Блейк печально покачал головой:

– Конечно, Женевьева завтра отправится в местную травматологию, но, боюсь, от этого будет мало толку. В нашей стране не только ужасные дороги, но еще и медицина на уровне позапрошлого века.

– Почему? – удивился я.

– Потому что оба наших «спонсора» не желают оплачивать расходы, которые, по их мнению, не являются необходимыми, – жестко ответил Блейк. – Женевьева, детка, ты слышала, что сказал доктор? Завтра с утра отправляйся в клинику, а если до этого почувствуешь недомогание – сразу же вызывай «Скорую». Слышишь?

– Но я прекрасно чувствую себя! У меня ничего не болит, – возмутилась девушка. Говорила она с легким «континентальным» акцентом, скорее немецким или голландским, чем французским.

– Не спорь со старшими, – терпеливо ответил ей Блейк. – Доктору, во всяком случае, виднее. Так что придется сходить.

Я потихоньку вздохнул: ну что тут поделаешь... Похоже, меня уже окончательно и бесповоротно записали в практикующие медики. Этакое светило медицины! И тут мое хулиганское настроение вспыхнуло, как сухая солома от непогашенного окурка. А почему бы, собственно, нет? Если у них так плохо с медициной...

– Время еще не очень позднее, – повернулся ко мне Блейк. – Поэтому я приглашаю вас к нам в гости. Мне и раньше хотелось с вами познакомиться, а тут такой повод.

Говорил он медленно, и я заметил легкий тик, время от времени сжимавший уголки его губ. Похоже, он еще не очень оправился от подагры. Блейк Кэрриган мне понравился. У него были широкое открытое лицо, высокий лоб и коротко стриженные седые волосы. Резко очерченные губы обрамляли глубокие носогубные складки, спускавшиеся к волевому подбородку с несимметричной ямочкой. Глаза у него были карие, но по форме точь-в-точь, как у Ариэль. Над ними кустились черные с проседью густые брови, разделенные глубокими складками на

переносице. В целом его облик выражал твердость и солидность с некоторой толикой скрытой печали. Впрочем, как я убедился позже, искорки веселья, столь очаровательные у Ариэль, вспыхивали и в его глазах, пусть и гораздо реже.

– Ариэль, скажи Томасу, что цирк сегодня на нем. Пусть дождется, пока все разойдутся, и все закроет, – распорядился Блейк. – Одиль, Одетт, проведите Женеьеву, пожалуйста, на выход. На стоянке стоит Дуглас с машиной, скажите ему, чтобы развез вас по домам.

– А вы, шеф? – спросила Одиль.

Блейк махнул рукой:

– Как-нибудь доковыляем. До моего дома и полмили не будет. Не так уж я и болен, чтобы полмили не пройти.

Когда все разошлись, Блейк внимательно посмотрел на меня. Это был по-настоящему испытывающий взгляд, словно мужчина хотел проникнуть в глубину моих мыслей. Мне даже стало несколько не по себе.

– Фокс, – сказал он, наконец, – могу ли я вас так называть, по-простому?

Я утвердительно кивнул.

– Скажите, Фокс, зачем вы сюда приехали? – прямо спросил Блейк.

Мне, пожалуй, в ближайшее время от этого вопроса не отделаться.

– Откровенно говоря, мне было все равно, куда ехать, – тем не менее ответил я. – Я не выбирал Хоулленд специально, если вы об этом.

Он как-то неуверенно кивнул:

– Но вы решили остаться здесь. Почему?

Я пожал плечами:

– Почему бы и нет? Мне нравится этот городок. Здесь тихо, спокойно, приветливые люди...

– Тихо... – словно про себя повторил он. – Фокс, здесь не просто тихо. Иногда мне кажется, что в Хоулленде застыло само время. Здесь ничего не меняется и ничего никогда не изменится. Те, кого это не устраивает, уезжают. И таких, увы, большинство. Я их понимаю... но сам никогда не уеду.

Я присел на стул:

– Простите, сэр...

– Блейк, просто Блейк, – сказал он, также присаживаясь.

– Видите ли, Блейк, у меня тоже сложилось такое впечатление. Но почему это так? Что мешает поменять здешний уклад жизни?

Его взгляд ожил, но вовсе не потому, что он согласился со мной.

– Здесь никогда ничего не изменится, – настойчиво повторил он. – Не вы первый этого хотите. Вы спросили, почему мы не вызвали врача к Женеьеве. Потому что в этом нет никакого толка. В городе есть платная медицина, доступная только для держателей полисов компаний Кохэгена и Харконена...

– Но ведь это львиная доля населения!

Блейк отрицательно покачал головой:

– Полисы есть только у топ-менеджмента и некоторых чиновников. Остальные довольствуются бесплатной медициной уровня сельского фельдшера.

– Но кто мешает поехать, к примеру, в тот же Дандолк...

Блейк щелкнул пальцами:

– У среднестатистического горожанина в кармане дырка. Ему недоступны подобные услуги. А социальная медицина Ирландии на нас не распространяется, мы же, – он ухмыльнулся, – независимое государство!

– Черт, это несправедливо, – сказал я, и в этот момент вошла Ариэль.

– Что несправедливо? – спросила она.

– Мы говорим о городской медицине, – пояснил Блейк; затем он ответил мне: – Вот именно. Но ничего, ровным счетом ничего невозможно изменить.

Он с трудом поднялся с дивана.

– Этот город вмерз в толщу льда, Фокс, – вздохнул он. – Здесь только кажется все уютным, а на деле... – он махнул рукой. – Так что не стройте иллюзий, если они у вас есть. Так вы примете мое приглашение?

– С удовольствием...

И мы вышли из кабинета.

Вопреки его собственному скепсису, ходил Блейк вполне резво, если можно так выразиться в отношении человека, страдающего от подагры. Впрочем, я не был уверен в том, что это именно подагра, в конце концов, хронические артриты от нее по симптомам отличаются мало. Я решил поговорить об этом:

– А почему вы решили, что у вас подагра?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.